

Алексей Сурнев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Не последние за
последнего

Алексей Алексеевич Сурнев
Не последние за последнего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51810404

SelfPub; 2021

Аннотация

Сколько жизней, не последних людей, стоит жизнь, последнего носорога? Не знаю.

Алексей Сурнев

Не последние за последнего

Возвращение домой?

Солнце спешило к горизонту, когда к шлагбауму подъехало такси. Пассажирская дверь с трудом открылась, из него вышел молодой человек. Торопливо подошел к багажнику и открыл его без усилий, несмотря на почтенный возраст автомобиля. Достал три сумки, бросил их небрежно на землю. Расплачиваясь, обменялся с водителем парой фраз. Таксист засмеялся, после чего такси поехало дальше, а молодой человек, накинув лямки сумок на плечи, пошел вглубь территории за шлагбаумом.

У ворот базы его встретил мужчина, одетый в военную форму пустынного окраса. Несмотря на полностью седую голову и глубокие морщины на лице, он был подтянут, стоял прямо с гордо поднятым подбородком. Молодой человек подошел к нему, сбросил с плеч сумки. Молча пожал руку мужчине, глядя прямо в глаза, ни одна из сторон не проявляла никаких эмоций. Мужчина сразу не отпускал руку молодого человека и обратил внимание на то, что ногти большого и указательного пальцев были черными. Это вызвало на его лице ухмылку.

– Как прошел отпуск? – спросил седой и отпустил наконец руку.

– Дом строил, – молодой человек поднял отбитые молотком пальцы.

– И много успел сделать?

– Не очень, но все сдвинулось с мертвой точки, что уже хороший результат.

– Как тебе удалось таксиста уговорить сюда тебя привезти? И вообще, как ты с ним договаривался, в этой стране нет ни одного таксиста, говорящего внятно на английском.

– Да, с английским здесь проблемы, а вот с русским как хорошо. Он учился в советском вузе.

– В Советском Союзе что, учили на таксистов? Хотя не отвечай, я был в Нью-Йорке и Чикаго.

– Очень смешно, – саркастично ответил молодой.

– Как там отец и его стакан?

– Отец все так же стареет. А стакан наполнен только крепким кофе или минеральной водой.

– Это хорошо. Я тут подумал, знаешь, что общего у русских и ирландцев?

– Теряюсь в догадках.

– Пьющие отцы.

– Да уж, какой странно сближающий нас стереотип. А я смотрю, нам форму новую прислали. Это чтобы в саванне в нас попасть сложнее было?

– Да. А вот еще смотри что есть. – Седой достал из клапана на плече панаму с пришитой по краю полей сеткой, скрывающей лицо. Надев ее на голову, он расправил сетку так,

чтобы она закрыла его лицо полностью.

– Что? Как это возможно? – закричал Андрей, явно переигрывая испуг и удивление. – Нил, куда ты исчез?!

– Да, вот такую ужасную и бесполезную хрень нам прислали. Тот, кто это пришил, пробовал, интересно, в этом прицелиться? – Нил снял панаму, сложил и снова убрал в карман.

– Хух, вот ты где! Не делай так больше, хорошо? Ты просто испарился на моих глазах. Я чуть не побежал в джунгли мазаться грязью и делать лук с разрывными стрелами.

– Очень смешно. Выпишу отдельный приказ, чтобы ты и твои подружки сутками не снимали эту хрень и даже спали в ней. Не хочу видеть ваши рожи, – определенно довольный своим ответом, Нил улыбнулся, но, так как старый шрам от скулы до губы делал его левую часть лица нечувствительной, улыбка вышла зловеще перекошенная.

– Ты улыбаешься или это insult? Если это улыбка, то я всем расскажу, что видел ее половину на твоём лице.

– Рассказывай, тебе все равно никто не поверит.

– Кстати, о моих подружках. Где они?

– Слышали последние новости?

– Нет. Что-то случилось?

– Буквально вчера вечером ребята смогли все же авторизоваться на этом «даркнетовском» сайте.

– Ого! И как им это удалось без приглашения?

– На сайт в качестве гостя Аккихиро смог попасть практически сразу после твоего отъезда. А вот авторизоваться бы-

ло сложнее. Там, по-видимому, модератор лично проверял заявки, и у него был софт, который фото, сделанные с помощью графических программ, отсеивал сразу. Николай и Акки догадались, в чем дело. Нашли местного пастуха, вручили ему дорожную трофейную винтовку и сфотографировали у трупа умершего от старости слона.

– Забавно. Именно это и сработало?

– Да, черт возьми! У них главное фото страницы – это оборванец в сандалиях из старой крышки держит винтовку в руках стоимостью всего имущества его деревни. И это сработало. Я начинаю сомневаться в интеллекте врага.

– Ну и что на сайте интересного?

– Все. Можно заранее узнать, где будет очередное незаконное сафари. Страница объявлений позволяет узнать, какое животное следует лучше охранять. Форумы – просто бесконечный поток разведанных. То, что мы наконец попали на «Орион», облегчит нам жизнь в разы. И самое главное – улики и доказательства масштаба беды. Я просто открыл объявления на заказы. А там на первом месте я в обнимку с нашим носорогом и ценник в 10 миллионов.

– Так может, все не так плохо, и это только за твою седую голову ценник?

– Опоздал, Николай уже так пошутил.

– Вот так всегда.

– Ладно, беги к своей стае. Сейчас все, кто не в дозоре, собрались у барака.

Подойдя к бараку избегая света фонарей, желая приятно удивить своих товарищей, Андрей увидел следующее. Вокруг стола собрался народ, окружил его и радостно выкрикивал фанатские кричалки на разных языках мира и пускал скромную волну из шести человек, как на футбольном матче. Подкравшись незаметно, Андрей заглянул за плечо посмотреть, что же происходит на столе. Там проходил нештучный шахматный поединок между Николаем и Аккихиро. Николай сделал ход, и толпа вновь заликовала.

– Что вы орете, придурки, он же ферзя под удар поставил! – обратил на себя внимание Андрей.

Все обернулись и начали радостно приветствовать вернувшегося брата по оружию. Лишь игроки откинулись на спинки своих стульев и с ухмылкой наблюдали за происходящим. Те, кто уже поздоровались с Андреем, потихоньку разбредались по делам, которые необходимо закончить перед сном.

– Ой, вы посмотрите! Вернулась харя москалячья. Так было хорошо без тебя, – громко возмутился Николай.

– Я, пока ты был в отпуске, наслаждался музыкой ночной Африки, которую до этого заглушал твой храп, – добавил претензий к прибывшему Аккихиро.

– И кстати, если бы он забрал моего ферзя, это был бы мат через два хода, – сказал Николай, указывая на свою ладью.

– Я поспорил бы, но сейчас мы заодно и унижаем русского дурака, – Аккихиро уже не сдерживал улыбки.

Повисла неловкая пауза, после которой все трое засмеялись. Николай и Аккихиро принялись обнимать, радостно приветствуя близкого друга.

– У нас хорошие новости, – сказал Аккихиро.

– Да мне командор уже все рассказал про вашу аферу с участием пастуха и винтовки, которую он никогда бы не смог купить.

– Я же тебе говорил, что это глупо, – смотря на Николая, сказал Аккихиро.

– Ну получилось же! – ответил ему Николай. – Кстати, к нам завтра журналисты прилетают репортаж о нас снимать. А может, и целый документальный фильм.

– Скорее, видеоинструкцию для браконьеров, как с нами бороться. Они обязательно попросят показать, как мы работаем, – заметил Андрей.

– Да. Наблюдательные посты выдавать никак нельзя, – добавил Николай и задумался. Потом резко поднял голову и обратился к Аккихиро: – Нам нужно представление, ничего общего не имеющее с нашими инструкциями, но при этом чтобы мы совсем кретинами не выглядели. Сможешь?

– Думаю, да, это возможно, смотря что именно они попросят показать.

– Этот репортаж очень важен для нас. Я как-то услышал разговор Командора и Отто о наших скромных делах. Сейчас нас один фонд спонсирует из небольшого количества зоозащитников, и все держится на их фанатизме. Командор го-

ворил, что в офисе частной военной компании, на которую мы оформлены, всем абсолютно на нас плевать, и если прекратятся пожертвования, они просто распустият нас к чертям, и мы уже будем незаконной бандой. Может, хоть после репортажа на нас обратят внимание и будет чуть больше денег. А возможно, и какая-нибудь звезда Голливуда раскошелится.

– Лучше Болливуда. Там люди побогаче, – заметил Аккихи-ро.

– Деньги – нерв войны, – подняв указательный палец, сказал Николай. Затем задумался, посмотрел на свой старый, старше его самого СВД и добавил: – А мы по сравнению с врагом парализованные.

– Коль, не делай так больше, – скривился после сказанного Николаем Андрей.

– Да, это было очень неловко. Испанский стыд во мне устроил корриду, – присоединился к осуждению Аккихи-ро. – Хорошо, я завтра же займусь сценарием для шоу.

– Вот только без электрошока на яйцах и бассейна с кипятком. Знаю я вас, шоуменов японских, – отыгрался Николай.

– Хорошо. Столько идей сразу отсекаю, но я все равно стараюсь.

– Ладно, уже поздно, пойдем спать. Я устал с дороги, – сказал Андрей.

– Ты иди, а мы доиграем и тоже пойдем, – сказал Аккихи-

ро, затем подумал, посмотрел на доску и вздохнул: – Ладно, признаю, это и правда мат через два хода, пойдем спать.

Послание

– Всем доброе утро, – поздоровался Нил. – Сегодня у нас насыщенный событиями день. Уже через час прилетает вертолет со съемочной группой. С ними будет и пополнение из трех человек. Также нужно заняться восстановлением ограждения, и местные мне сообщили о мертвом слоне где-то в северо-западном районе заповедника, нужно найти тело и выяснить причины смерти. Так, значит, по пунктам. Встреча с журналистами – это мне. Новенькие – Акки, Андрею и Николаю. Отто на поиски слона. Пакко с остальными займутся ремонтом забора. Есть возражения?

– Да. – Аккихиро встал. – Мы тут подумали с ребятами о том, что не стоит показывать журналистам наши реальные тактические инструкции. Нужно изменить их.

– Хорошо, вот ты этим и займешься, – ответил на предложение командор.

– Так я уже тут с утра сделал наброски сценария представления.

– Я надеюсь, без вреда для яиц? – смеясь, возразил Пакко.

– Поздно, Ник так уже шутил, – отбился Акки.

– Вот так всегда! – с неподдельным огорчением сказал Пакко.

– Хорошо, после собрания можешь весь день на это по-

тратить, – закрыл этот вопрос командор. – Так, значит, Андрей и Николай, займитесь новенькими вдвоем. Если хоть что-то вас в них будет смущать, сразу отправляйте обратно на вертолет. Всем все понятно?

Прозвучал всеобщий ответ согласия.

– Ну тогда вперед, мои псы войны! – дал команду Нил.

Зал собраний наполнился лаем и воем, который быстро стих, и все разбредись по своим задачам.

Отто и Пакко выехали из базы одновременно. Пакко на старом пикапе «форд», груженном инструментом и материалами, необходимыми для ремонта ограждения. Отто на квадроцикле, имея только необходимое – рацию и винтовку. Они почти тут же разделились. Пакко свернул с дороги в месте, где ближе всего к ограде, и дальше двигался вдоль нее, высматривая бреши. Отто двинулся дальше напрямую к местному архаичному племени, которое было частью их заповедника и было под защитой ЮНЕСКО. Но так как им никто, собственно, не угрожал, они больше себя считали такими же защитниками заповедника, нежели подзащитными. Они были глазами и ушами, но в прямое столкновение с вооруженными огнестрельным оружием браконьерами-охотниками собиратели не вступали.

Прибыв на место, где находилось племя, Отто поговорил со старейшинами, и они отправили с ним подростка, который показал место, где лежало тело слона. Подъезжая к этому месту, примерно за километр Отто поблагодарил парня

двумя банками сгущенки и отправил домой.

Приехав к скале, на которую указал парень, Отто остановился, взял винтовку, рацию и приступил к поиску места преступления. Пройдя пятьсот метров, он обнаружил в овраге слона с пулевыми отверстиями и спиленным, видимо, в спешке бивнем. Он был ровно спилен на половину сечения, а дальше сечение было неровным, видимо, надпилив наполовину, его просто отломали, так было быстрее. Второй бивень был нетронут.

– Вот уроды, так нервничали и спешили, что сотворили этот ужас ради одного бивня. Не то чтобы я оправдываю такое ради двух. Но это даже уже не браконьерство, это идиотизм! – вслух возмутился Отто.

Отто, в прошлом работавший криминалистом, знал хорошо методы работы следователей на месте преступления и без труда определил примерное количество злоумышленников, откуда они пришли и куда ушли после преступления. Гильзы от СКС. Осмотрев погибшего, обнаружил, что четыре пули зашли в тело и голову снизу вверх, что говорит о том, что уроды продолжали стрелять уже в лежащего, а скорее всего, мертвого слона. Отто, несмотря на внешнюю свою серьезность и профессиональность, обладал эмпатией, выбивающей слезу от увиденного. Но мог он себе такое позволить, только когда был один. Вытерев слезы, он связался по рации с базой, доложил о преступлении, сообщил, в какую сторону ведут следы и что он следует по ним. Приказ о том,

что в случае обнаружения преступников в контакт не вступать и держать дистанцию до прихода прикрепления, выслушал, но не услышал. Жажда мести уже затмила разум. Но он понимал, что уже очень много времени прошло, они уже далеко и шанс отомстить ничтожно мал.

Дойдя до места, где следы упираются в ограждение, обнаружил валяющуюся в кустах трехметровую стремянку. На колючку накинута козья шкура, а за ограждением стояла вторая стремянка, ее даже не толкнули, чтобы она упала после перехода.

– Ого, это что-то новенькое! – удивился он. – Болторез – это слишком банально, понимаю.

Поставив лежащую по его сторону ограждения стремянку, детектив взобрался наверх без труда, благодаря шкуре перелез через колючую проволоку, спустился по второй стремянке и оказался за ограждением. Оглянулся, осмотрел всю инсталляцию и сказал.

– Эти уроды скоро здесь эскалатор построят!

Он продолжил движение по следам. Они привели его к огромному валуну, на котором росло дерево, корни которого окутывали камень плотной сетью. Следы пешие сменились на протекторы шин, судя по ширине, немалого внедорожника. Отто присел на корточки и начал рассуждать вслух:

– Слишком много следов вокруг малой скалы. Зачем вокруг нее кружить? Садись в машину, если так спешишь, и уезжай быстрее.

Походив вокруг огромного камня с растущим на нем деревом, он обратил внимание на плоский камень сантиметров 40 в диаметре. Рядом с ним были следы его волочения. Осмотрев камень внимательно и осторожно, Отто заметил тончайшую леску, которая была вложена в высверленное отверстие, которое затем было замазано гипсом с колером, подобранным под цвет камня, но не настолько точно, чтобы педантичный взгляд немца не смог этого заметить. Второй конец лески вел к большому валуну с деревом, в котором была естественная выемка закрыта пластиковой посудиной полусферической формы, неестественно замаскирована все тем же гипсом с колером. Под этой малозаметной незамысленному глазу маскировкой была граната ф1, прилепленная к четырехсотграммовой котлете пластида, и все остальное пространство под посудой заполнено пакетиками с саморезами и мелкими гвоздями. Расковыряв гипс и выкрутив запал из гранаты, Отто взглянул на это все, покачал головой и выдвинул сам себе мысль:

– Значит, наследили не потому, что глупые и спешили, а потому что хотели, чтобы это место нашли.

Под камнем он обнаружил крышку 100-литровой пластиковой бочки, которая была закопана под самый верх в землю. В ней он обнаружил два карабина СКС, патроны, злосчастный бивень, к которому была привязана записка. Достал бивень, отвязал записку. В ней было написано: «Здравствуй, Нил. Если ты читаешь это, значит, ты стоишь на ошметках

людей, нашедших это послание. Напиши мне на сайте «Орион» со страницы бедного пастуха, которому вы сунули в зубы дорогую винтовку, фамилии этих бедолаг, я отправлю их семьям цветы соболезнования. На «Орионе» мой ник Ван Пелт. И этот бивень – это пустяк, приз в игре, которую я затеял на обратной стороне этого послания».

Отто перевернул лист, на обратной стороне которого было распечатано фото командира в обнимку с последним представителем вида белого носорога, который был под их защитой.

Прочитав зловещее послание, Отто во весь голос засмеялся, сквозь смех восклицая:

– Как самоуверенно! Стоишь на остатках людей, нашедших... – Как вдруг лицо его, словно смена маски, моментально наполнилось злобой, и он сквозь зубы прошипел: – Ну а за бедного слона... – дальше речь была продолжена устрашающим немецким матом.

Встреча гостей

Командор, Андрей и Николай уже стояли у посадочной площадки, когда вддали стал слышен звук приближающегося вертолета.

– Смотрели недавний кинокомикс? – нарушил молчание Андрей.

– Да. Говорят, его будут номинировать на лучший фильм года. И вроде даже во всех актерских номинациях будет по

одному представителю от фильма. Такого, по-моему, еще не было, – ответил Николай.

– И что для вас это событие значит? – спросил Нил.

– Да, собственно, ничего, просто этот жанр мне нравится с детства, и приятно жить во время золотого века кинокомиксов, – ответил ему Андрей.

– Помню, в детстве мне дядя из Лондона привез первый выпуск комикса об очередном «суперсолдате». Мне очень понравились яркие картинки, незамысловатый сюжет. И каждый раз, когда дядю по работе отправляли в Лондон, я просил новый выпуск. И в один прекрасный день дяде надоело, в последний момент вспоминая на перроне с билетом на поезд про мою просьбу, бегать в поисках киоска. Он купил сразу все выпуски законченной тогда арки. Я был очень счастлив. Ночами не спал, заинтригованный недавно дочитанным эпизодом, ожидая утра, чтобы узнать, что же было дальше. Дочитав все выпуски, я перечитывал их снова, затем читал вслух своим друзьям, периодически отыгрывая описанные сцены на фонарном столбе. Выучил все наизусть и даже требовал, чтобы в школе мы поставили классом спектакль по этому комиксу.

– Ого, ни за что бы не подумал, что вы были таким впечатлительным ребенком, – удивился Николай.

– Да, я тоже считал, что командор уже родился с трехдневной щетиной и суровым выражением лица, – добавил Андрей.

– Ага, и в крутых больших черных очках-капельках, – продолжил разгон Николай.

Стоявший рядом командор с трехдневной щетиной и в упомянутых очках имел иммунитет к подобным шуткам и, не обращая внимания, продолжил рассказ:

– Я писал письма в издательство, где высказывал свои теории о недосказанных моментах в сюжете. Цеплялся за незначительные детали, делая из них выводы. За что получил написанное рукой автора комикса благодарственное письмо, в котором подтверждались все мои теории. Я был так счастлив, что думал, это мое жизненное призвание, что я теперь эксперт в мире комиксов. Затем прошло полгода, и дядя привез мне еще стопку выпусков, он специально дождался, когда выйдет вся арка целиком. Я в тот же вечер принялся изучать новый материал, подходя к нему не как к развлечению, а как к научной литературе. Спустя время я был в ужасе, когда понял, что история становления героя изменена – главный злодей теперь девушка, с которой у героя странные романтические отношения с примесью лютой ненависти. В общем, все, в чем я считал себя большим экспертом, было не так. Хоть там и была раскрыта одна из моих теорий – видимо как дань фанатам серии. Я был в ужасе от того, что моменты, из которых я делал выводы, были изменены. Написав письмо с претензией на этот счет, я получил ответ, в котором говорилось о том, что это другая вселенная, что те события, о которых говорил я, проходили на планете Земля с

каким-то случайным двузначным числом, а арка, которую я критикую, происходит на планете Земля с трехзначным случайным числом, и что все это канонично и происходит параллельно.

– Ну, все правильно, мультивселенная – это неотъемлемая часть жанра, – сказал Николай.

– Нет. Я не мог этого принять, тогда мне было совершенно не понятно, как могут существовать две правды одновременно, такие непохожие, что, принимая одну, вторая становилась ложью в моих глазах. После этого я больше полюбил классическую литературу. Ее, слава богу, не переписывают. И если автору хочется рассказать новую историю, он просто придумывает новых персонажей и условия, а не ездит на одном всеми любимом персонаже, как на старой кобыле, запряженной в новую телегу, – не соглашался Нил.

– Это все религиозное воспитание. Такое свойственно крупным монотеистическим религиям, таким как христианство. В твоём случае католичество. Непринятие другой правды, кроме своей, и ненависть к правде чужой, – сделал скорый вывод Андрей, поправляя воображаемые очки на носу.

– Нет. Это скорее просто переживания о потере статуса эксперта в данном вопросе. Сил-то было потрачено немало на изучение и создание теорий. Они так легко подтверждались и так же легко перестали быть догмой, – возразил Андрею и выдвинул свою мысль Николай.

– Нет, я все же настаиваю на антирелигиозной теории.

Возможно, это и то и другое, – попытался достигнуть консенсуса Андрей.

– Как, вашу мать, вы здесь такие умные оказались? – оборвал псевдонаучный базар Нил.

– Так вы же сами поставили задачу встретить новое пополнение. Вот мы и стоим с вами ждем вертолет, – прикинулся дурачком Андрей.

– Вы можете быть хоть минутку серьезными? Я в общем. Какого хрена вы здесь делаете, раз вы такие умные? Дома же безопаснее!

– Так ведь зарплата все решает.

– У нас дома за такие деньги только наркотой торговать.

– Вот не нужно прибедняться! Что, две штуки баксов никто в ваших странах не зарабатывает? – задал вопрос Нил.

– Ну как же, зарабатывают. Только не те и не там. Например, врачи и преподаватели таких денег точно не видят. Ну разве если только они смогли разглядеть в своем месте работы рынок сбыта и не начали заниматься тем, о чем я сказал ранее.

– А кто тогда? Ну у вас же есть врачи и преподаватели, раз два таких кретина смогли дожить до совершеннолетия. Они что, справляются со своей работой за копейки?

– В наших странах это призвание, – гордо подняв указательный палец, сказал Андрей.

– Не первый раз я открываю вам небольшую щель в свою душу, как тут же в нее льется дерьмо из ваших несмешных

шуток, – возмутился Нил.

– Ну прости нас, командор, – с виноватым видом ответил Андрей.

Андрей слегка ударил по плечу Николая, который прислушивался к звукам приближающегося вертолета. Николай отвлекся и, не задумываясь, быстро сделал выражение лица как у Андрея.

– Какие же вы порой невыносимые. Но, стыдись, я признаю себе, что я рад тому, что в ваших странах так хреново, что вы попали ко мне. Без вас мы бы прокисли, как молоко.

– А вот и гости, – обратил внимание остальных Николай.

Вертолет сел на площадку, оборудованную в поле. Из него вышли люди, начали быстро выгружать оборудование и вещи. Последней из вертолета вышла девушка, которая сразу обратила внимание на стоящего в стороне Нила. Он, в свою очередь, приказал Андрею и Николаю помочь с разгрузкой оборудования и пошел к ней навстречу, так как понял, кто она такая.

– Здравствуйте, меня зовут Нил. Добро пожаловать к нам на базу, – командор протянул руку, которая тут же ощутила крепкую хватку встречного рукопожатия.

– Здравствуйте, мое имя Леа, – представилась в ответ девушка.

Перед командором предстала девушка, вызывающая противоречивые чувства. Она была хрупка и миловидна, но взгляд ее был наполнен таким пронизывающим интере-

сом, что командор нежности не испытал. А напротив, даже немного зажался и был скован. Он старался не пялиться так открыто на обилие татуировок и необычную для его старческого восприятия прическу с выбритыми коротко висками. На плотно забитом рукаве он выделил изображение скрещенных знаков Венеры и Марса, затем был знак ровно такой же, знак, уже состоящий только из символов Венеры, и такой же из двух знаков Марса на все предплечье.

– Что-то не так? – спросила улыбающаяся девушка, зная ответ на свой вопрос.

– А? Что? Все нормально. А что не нормально? – откровенно тупя, ответил командор.

– Да я словно снова оказалась в Глазго на рождественских каникулах у своей сокурсницы. Это тот самый момент, когда она знакомит меня с папой.

– Я тут вдруг осознал, что у нас всего один представитель ЛГБТ и одна женщина на всю нашу сосисочную тусовку, – случайно произнес это вслух Нил.

– Ах вот оно что! Вы боитесь моего осуждения и того, что я сделаю негативный репортаж из-за этого. Нил, расслабьтесь, я не делаю скоропостижных выводов. И вам не советую.

Леа не в первый раз участвовала в таком диалоге и относилась к таким реакциям понимающе, стараясь терпеливо все объяснить.

– Ну и какой вы тогда журналист, если не делаете скоропостижных выводов? – пошутил Нил с улыбкой, осторожно

ждущей ответной реакции.

– Малоуспешный, но очень необходимый сегодня. Да впрочем, как и всегда, – тут же ответила Леа. – Нил, давайте, чтобы вы расслабились и были самим собой, я вам расскажу, кто я. Я в первую очередь журналистка, а уже потом все остальное. Да, вы верно подметили, я действительно поддерживаю ЛГБТ-сообщество, – Леа выдвинула плечи вперед так, чтобы была видна радужная ленточка, свернутая в форме тюльпана, приклеенная к рюкзаку. Но при этом я нахожусь в более левом крыле. Понимаете, о чем я?

– Что-то связанное с марксизмом? – сказал уверенно, будто он что-то понял, но тут же поник, увидев выражение лица в стиле «вы серьезно?!». – Простите, я правда пытаюсь вас понять, но я уже слишком стар и не успеваю за изменениями в мире и людских головах.

– Я вас прекрасно понимаю, – успокоила его Леа, – просто дослушайте меня, и все станет на свои места. Я из тех, кто не пытается достичь превосходства над всеми остальными, я по-настоящему за равноправие. И верю, что достичь этого можно только если не обращать внимания на внешнюю оболочку и не лезть в личную жизнь. При этом я против того, что сейчас тенденция страха перед нами. Радикалы среди нас не понимают, что старшему поколению тяжело принимать некоторые изменения. Вы вот себя неловко чувствуете, и из-за этого я себя неловко чувствую еще сильнее, если бы вы меня встретили не страхом, а презрением и дискримина-

цией. Я лишь за одну дискриминацию. Я за дискриминацию низкого профессионализма. Поэтому я здесь. Показать профессионалов своего дела вроде вас. Проверить, действительно ли статистика проведения незаконных сафари и их успеха так упала благодаря вам и вашим людям или вы просто шлете положительные отчеты, дабы получать дальше деньги.

– Простите, вы правы, я не должен был так на вас реагировать. Мы с ребятами обсуждали этот вопрос и то, как мне себя вести, если я попаду в подобную ситуацию. Парни советовали ровно то, о чем вы говорили. Но мне, как вы уже заметили, еще тяжело дается не обращать внимания на внешнюю оболочку. Давайте начнем сначала и, может, перейдем на ты? – спросил Нил и еще раз протянул руку.

– О, конечно. Это уже лучше, – Леа пожала руку в ответ. – Я уже успела пообщаться с новенькими в вертолете. Они мне рассказали, как проходит рекрутинг в вашу компанию, и если в условиях нет пункта «все, кроме представителей ЛГБТ и женщин», то я не вижу здесь дискриминации, это может значить лишь то, что мало людей знает о вас. Тем более, я так поняла, что офис вашей ЧВК мало заинтересован в вашем предприятии и не выделяет достаточно средств и сил.

– Вы хорошо подготовились, – удивился ее осведомленности Нил.

– Ребята даже сказали, что они проходили экзамен, и из 40 соискателей в ЧВК устроилось четверо. А они втроем были близки к проходному баллу, и им предложили вас или идти

домой. Это еще больше меня заинтересовало, как так выходит, что к вам отправляют далеко не лучших кандидатов, но вы держите марку?

– Ну, во-первых, у меня есть полное право отправить всех троих домой. В этом главный офис меня не ограничивает, они лишь дают людей, а я уже сам решаю, нужны ли они. Во-вторых, они, сами того не ведая, собрали мне команду лучших в том деле, которым мы заняты. Забирая себе голворезов «коммандос», они отсеивают таких людей от нас, оставляя достаточно смелых людей, имеющих еще и сострадание, доброту и любовь к миру, который нас окружает. Я хочу сказать, что из этих троих, скорее всего, трое домой и поедут. Здесь в большинстве задерживаются люди, которые сразу шли с идеей сделать мир капельку лучше. Если люди шли именно к нам, то их отправляли без экзамена и стажировки. Это плохо, конечно, многие из них уже давно уволились. И если из этой троицы хоть один останется, то это маленькое чудо.

Вдруг за спиной у Командора разыгрался спектакль с игрой уровня школьной постановки. Николай и Андрей «рыдали» навзрыд и восклицали: «Господи, как это мило!», «Эта речь тронула меня до глубины души» и так далее.

– Вот, кстати, у мировой ассоциации кретинов претензий к нам точно бы не было, потому что директор и генеральный секретарь этой организации у вас перед глазами. У вас что, нет задачи? – повысил тон командор.

– Простите, командор, просто ваша речь тронула наши сердца. Особенно момент про любовь к окружающему. Мы забыли, куда шли и какая у нас задача на сегодня.

– Может, ваша задача – это они? – Нил указал на новеньких, стоявших в стороне и наблюдавших этот спектакль. У двоих было выражение недоумения от того, куда они попали, а третий еле сдерживал смех.

Андрей повернулся к новеньким и по-русски громко командовал:

– Становись! Равняйся! Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!

От этого троица еще больше оцепенела. А Николай изобразил звук, отдаленно напоминающий вечерний скрип сверчков. Андрей склонил голову и, вернувшись на английский, спокойно сказал:

– Пройдемте за мной.

Пополнение пошло следом, а Николай замкнул колонну. Неожиданно один из них сказал:

– Но мы же пошли налево?

– О, как хорошо, в нашей постсоветской диаспоре пополнение, – обрадовался Андрей. – Команда была «правое плечо вперед». А когда мы правое плечо вперед выдвигаем, куда у нас туловище поворачивается?

– А я понял. Я на самом деле плохо понимаю русский, а произнести понятно ничего толком не смогу, – ответил один из новеньких.

– Расслабься, здесь он тебе не пригодится. Здесь международным языком установлен английский, – ответил Николай.

Провожая взглядом своих бойцов, Нил сказал Лее:

– Вот они, мои профессионалы.

– Честно признаюсь, я удивлена. Я думала, здесь царит армейская атмосфера. И эти ребята, что, русские?

– Темно-русый пониже – да. Его зовут Андрей. Тот, что повыше, голубоглазый блондин красавчик Николай. Он из Украины.

– Как же они уживаются? – намекая на факт, который находится на поверхности, спросила Леа.

– Прекрасно уживаются. Добавьте к ним еще одного японца, и получим гремучий коктейль глупых бесконечных шуток. Они даже себя называют «Анекдот».

– Почему?

– Ну, их компания – это анекдот, где люди различных национальностей оказывались в различных ситуациях вроде необитаемого острова. Андрей говорит, что их анекдот бы начинался: «Попали как-то японец, украинец и русский...» На что Николай тут же возразил: «Нет. Попали как-то русский, японец и украинец...»

– Видимо, важно то, кто стоит последним в начальном перечислении? – спросила Леа.

– Да, иногда смертельно важно. Вот видите, как они на меня влияют. Вот зачем эта информация осела в моей голове?

– Да, я вас понимаю, в моей голове тоже много странной информации. Например, я знаю больше сотни видов динозавров и могу написать их названия на латыни. Это просто отпечталось в моей голове из детства. Хотя я никогда никакого отношения к палеонтологии не имела. Просто в детстве была любимая книга об этих загадочных древних ящерах.

– Ты определенно победила.

– Да вы себе не представляете, в скольких поединках бесполезных знаний я победила одним этим фактом о себе.

– Но, признаюсь честно, я дорожу этими парнями, они разбавляют нашу тусовку кризиса среднего возраста. Мы больше не скучаем и не унываем. Мой друг Отто, с которым мы стояли у истоков нашего дела, был в глубочайшей депрессии из-за личной трагедии, о которой я говорить права не имею. Вы, конечно, сами можете его об этом спросить, но если он не захочет рассказывать, я вас прошу не насесть. Тогда казалось, что он не просто борется с истреблением животных, которые не могут за себя постоять. Он больше вымещал свою злость. Когда появилась эта троица... Они, кстати, первый и единственный случай, когда все трое из нового пополнения остались с нами. Ребята тут же создали атмосферу несерьезного ребячества, и в этой атмосфере тут же растворилась вся дисциплина армейского уклада. С ней и растворилась депрессия Отто. Я не сопротивлялся разложению дисциплины, так как с ней разлагалась депрессия друга. И знаете, что я осознал, когда все изменилось бесповоротно? Ор-

ганизация стала лучше и эффективнее. «Я этого хочу» вытеснило «Это приказано и надо сделать», дисциплина уступила энтузиазму, традиционная армейская иерархия рухнула под натиском искренней дружбы и товарищества. Добавим к этому три месяца, когда дела были плохи и зарплаты почти не платили, а неделю просто жрать было нечего. Из-за этого многие нас покинули. И вот мы получаем два десятка человек, которые справляются с задачей по защите заповедника лучше, чем почти пятьдесят человек до этого.

– То есть ваше желание помочь другу победило в вас консерватора, и все стало только лучше?

– Нет, тут не только моя заслуга или заслуга молодой свежей крови. Тут дело в последовательности факторов, которые так удачно совпали. Просто, отвечая на ваш вопрос о нашем профессионализме, я могу сказать лишь то, что мне очень повезло с моими людьми. Если хоть одного поменять на какого-нибудь лентяя, все тут же рухнет в пропасть. Спланировать такое заранее или даже повторить по пунктам у меня не получилось бы никогда. И не смейтесь, пожалуйста, но я вижу в этом Божий умысел.

– У меня и мысли не было смеяться над вами. У меня лишь усилилось желание больше узнать о вашей организации.

– Тогда давайте я вам проведу небольшую экскурсию. Сейчас мы находимся на нашей базе, здесь у нас барак для проживания людей. За ним вы можете видеть крышу старо-

го ангара, на этом месте очень давно был аэродром. Самолетные ангары мы используем как гаражи. Здание в 2 этажа перед вами – это наш командный центр. В нем находится мой кабинет, зал собраний, узел связи, столовая, в общем, все. Даже бильярд в подвале имеется. Продвинутая палатка с кондиционером и солнечными батареями – это лаборатория доктора Вилды Эбель. Она представитель зоологического общества из Франкфурта-на-Майне. Изначально она занималась наблюдением за семейством наших слонов. Но после проведенной по нашей просьбе операции по извлечению пули из леопарда стала нашим негласным ветеринаром. Сейчас наблюдение за слонами – это ширма ее реальной деятельности. Доктор Эбель – ангел, присланный нам небесами. Это к слову о том, как мне удастся держать марку нашего предприятия. Если бы ее с нами не было или она после завершения своих исследований решила вернуться домой и преподавать, то мы бы здесь уже потеряли огромное количество животных, которых она успешно спасает на протяжении уже двух лет. Она проводит здесь одиннадцать месяцев в году. Вы говорили, что уважаете профессионализм. Так вот, доктор Вилда Эбель – самородок. Специализируясь на крупных млекопитающих, она не оставляет без внимания остальных животных. Когда мы обратились к ней с леопардом, она не стала открещиваться, что не ветеринар и не знает крупных кошек, она просто связалась с другом из Парижа и провела операцию по инструкциям, которые ей давали по видеосвя-

зи. А сейчас может проверить такой пустяк с закрытыми глазами. Невероятной силы характера человек. Жаль, что вы приехали неудачно, она на пару недель улетела домой решать личные дела. Но я вам дам все контакты для связи с ней, вы просто обязаны рассказать миру, что есть такой человек.

– Это даже не обсуждается, закончив здесь, мы отправимся, если понадобится, к ней домой. После вашего рассказа никакого интервью по телефону и близко быть не может. Я лично хочу увидеть этого человека. Кстати, я, наверное, сэкономлю ваше время и совмещу эту экскурсию с вашим интервью. Я вижу, вы с интересом даете развернутые ответы. Значит, вы никуда не спешите? Я правильно понимаю?

– Да, времени у нас предостаточно, так что спрашивайте все, что вам интересно.

– Как вообще появилось это место и люди, работающие... нет, я бы даже сказала, служащие здесь? И как вы поняли, что именно это – то, чем вы хотите заниматься? Вообще, расскажите для начала немного о себе.

– Ого, как много вопросов.

– Простите, хреновый из меня интервьюер. Начните с рассказа о себе.

– Ну, как ни странно, родители мои были зоологами, работали в этом заповеднике. В те времена, когда еще катастрофы никакой не было и на дела браконьеров, хоть и скрипя зубами, зоологи смотрели сквозь пальцы. Я жил и рос от них отдельно в доме деда, он, кстати, был отставной полков-

ник, пил и бил меня частенько, и это его воспитание, скорее всего, сделало из меня человека военного. Я на него что тогда обиды не держал, да и сейчас вспоминаю больше с теплотой. Хорошего в его воспитании было больше, чем пьяных подзатыльников. Да и те прилетали за дело, ребенком я был, мягко сказать, беспокойным. Шли годы, родители давно покинули эти места. Стали жить в Англии, преподавали. Я служил. Уйдя со службы, я жил с родителями, доживал их. Своей семьей из-за моей бурной службы я обзавестись не сумел. После того как мы похоронили маму, в один очень не примечательный вечер мы с отцом, как обычно, проводили вечер перед телевизором. Там показывали новостной сюжет тяжелой политической ситуации в этой стране. Отец, переключавший каналы, увидев знакомые места, остановился на этой передаче. И в ней промелькнуло короткое интервью главы местной егерской службы. Тогда я впервые увидел Дубаку, он тогда занимал эту должность официально. Вон он, кстати, идет к ангару, – Нил указал на низкого коренастого мужчину, идущего в сторону ангара. – Позже обязательно с ним поговорите, он просто легенда этих мест. В интервью он говорил о катастрофической ситуации в заповеднике. О том, как браконьеры обнаглели и что охоту ведут уже на них. Местным царькам на их проблемы было плевать, они были заняты борьбой за алмазные предприятия. Отец стал сильно переживать и даже заболел. Умирая, он на полном серьезе потребовал от меня дать слово десантника ее величества

о том, что я найду способ спасти заповедник. Так, похоронив отца, я начал искать решение проблемы. Узнал о том, что мои старые друзья по службе времени зря не теряли и на тот момент были в руководстве частной военной компании в США. Я обратился к ним с идеей подразделения, которое способно защитить заповедник. Они на удивление быстро согласились. Создали подразделение, состоявшее из меня одного. Превратили мой крестовый поход в бизнес-проект и на волне шумихи собрали очень много денег с благотворительности, получили у всевозможных международных организаций разрешение на подобную деятельность. Я тем временем собирал команду из старых знакомых и людей, которых ЧВК не хотели брать себе и избавлялись от них, отправляя ко мне. Крича на каждом углу, конечно, об огромном потоке желающих помочь правому делу. Затем нас отправили сюда, и по прибытию мы поняли, что большая часть денег осела где-то в компании, а на нас выделили ну тысяч двести максимум. А это очень маленькие деньги для такого предприятия. У нас было плохое снаряжение, которое давно пора списать, купили у обанкротившейся экскурсионной фирмы автомобили такого же, как снаряжение, состояния. И вот спустя полгода данного отцу обещания я стоял посреди заброшенного аэродрома с толпой людей, у которых был один вопрос в голове – «куда они попали?!». Первые два месяца мы не видели ни одного браконьера. Мы были заняты обустройством базы. Хоть и нехотя, с большим трудом день-

ги мне выделяли и зарплаты платили хорошие. Я связался с Дубакой, он к тому моменту уволился. Позвал его к нам, он подтянул с собой еще пятерых местных, которые раньше с ним работали егерями. Затем началась тяжелая стройка. Мы начали возводить забор по границе заповедника. Первые патрули, первые стычки с браконьерами. Мы не церемонились, и они не давали нам шанса на цивилизованное решение проблемы. Полетели первые пули над головами, началась первая волна оттока желающих у нас служить. Нас из пятидесяти стало где-то тридцать. Затем я, Отто, Дубака и Пакко расходились и стали стрелять в противника без предупреждения, так мы убили одного серьезного богача из Техаса, и начались у ЧВК из-за нас проблемы, которые превышали доходы от благотворительности. Проблему замяли, благо большие деньги решают в этом мире любые проблемы. Но после этого мне дали понять, что я теперь сам по себе, хоть и нас не распустили, оставив юридическую основу нашего отряда, не делая из нас шайку бандитов. Деньги стали идти еще тяжелее. Зарплаты упали, и народ побежал кто куда.

– Это когда вам неделю нечего было есть?

– Да, был такой период. Мы просто создали свой благотворительный фонд мимо офиса ЧВК. Выровняли финансовое положение, устоялся костяк личного состава, и вот спустя четыре года после данного мною обещания мы имеем то, что вы сейчас наблюдаете.

– А почему офис вас не распустил, если вы создаете им

проблемы?

– Ну, они смогли убедить всех в том, что мы просто фанатики, вышедшие из-под контроля, но за пределами заповедника мы безобидны. Да и деньги они продолжают собирать по сей день. Деньги, естественно, остаются у них, а мы имеем документы, которые отличают нас от банды боевиков. Все довольны.

– Вы сказали, что убили богатого техасца. А много еще было людей из первого мира, с которыми вы сталкивались в качестве противника?

– Ой, да процентов девяносто. Местные вообще этим редко занимаются. В основном европейцы, богатые арабы, много китайцев, американцы, латиноамериканские наркобароны. На нашем счету даже один русский олигарх. Андрей, кстати, когда приехал, сказал, что узнал о нас и захотел к нам, потому что есть возможность пристрелить олигарха. Я правда вас прошу, будьте добры, не освещайте темные дела ЧВК, нам и так проблем достаточно, а если мы им проблемы создадим, то и вовсе они нас закروют. А лучше вообще их не упоминайте. Если вы их не упомянете, они и не узнают, что ваш сюжет был. И укажите наш фонд для желающих помочь. Это, наверное, совсем меркантильно прозвучало?

– Нет. Не переживайте. Я сделаю все, что вы просите. Только за то, что вы так откровенны. Хороший журналист чувствует, что человек перед ним честен и готов идти на компромисс. Мне хочется верить, что я такая журналистка. Хоть

я сейчас максимально предвзята и нахожусь на вашей стороне, меня это впервые никак не коробит. Я, признаться честно, вас изучила перед приездом, только вас, остальных даже имен не узнавала. И, протягивая вам руку сегодня, я знала ваше имя и то, какую вы здесь должность занимаете. Я знаю, что вы фактически бездомный, и что дом вашего деда вы продали, и что вас лишили по неизвестным причинам всех старых заслуг и вы не получаете пенсионных и ветеранских отчислений. Я безвольно сделаю сюжет таким, как вы попросите, вы уже мой Леннон. Но, черт возьми, если я узнаю, что вы хоть в чем-то не тот, каким я себе вас представляю, я обещаю, я стану вашим Чепменом.

– Я часто слышу угрозы в свой адрес, но лишь сейчас я верю, что в полной безопасности. Я вам обещаю, что никаких счетов в офшорах с миллионами от благотворительности у меня нет. Мой дом – этот заповедник, а семья – эта команда. И сравнение с Ленноном мне не нравится, я не хочу внимания масс к моей персоне. Мне ваш сюжет нужен только для того, чтобы получить больше денег с благотворительности, на то чтобы кормить семью и ремонтировать дом. Я надеюсь, вы мне верите.

– Да.

– Тогда мне остается лишь добавить, что я очень рад нашему знакомству. Я и мои люди полностью к вашим услугам. Вот как все хорошо обернулось, а я переживал.

– Я тоже очень рада такому началу. Кстати, я бы хотела на-

чать с интервью с вашими людьми поодиночке. Сейчас есть свободные люди?

– Вы с каждым хотите поговорить?

– Да, конечно, мне интересна судьба каждого. Что они думают, как видят ситуацию со своей точки зрения, их мотивы и так далее.

– Вы не подумайте, я никого от вас не скрываю, просто как вы это все в сюжет впихнете? Вы книгу писать будете?

– Нет, ну вы что. Буду выбирать самое яркое. А со всеми для того, чтобы было из чего выбирать. Ну вот, кстати, с вашей молодой троицей я хотела бы поговорить сразу с тремя. Они мне видятся как единое целое.

– Хорошо. А вот из местных только Дубака хорошо владеет языком. Да и история его и его парней одинакова. Но если хотите, то вам придется Дубаку брать с собой как переводчика.

– Да вы правы, так и сделаем.

– Хорошо, еще предлагаю пройти к загонам и клеткам с животными, которые проходят лечение. Доктор Эбель в свое отсутствие оставила их на своего помощника Алима.

– Алим? Он не немец?

– Нет, он гражданин Германии сирийского происхождения. Сейчас я вас познакомлю, он должен быть сейчас там. Он может лучше и понятнее меня рассказать об их работе.

Идя к полевому ветеринарному госпиталю, Нил и Леа беседовали о том, где они бывали, и активно обсуждали те ме-

ста, которые у них совпадали. Только вот промежуток времени между их поездками нередко составлял около десяти лет. Леа рассказывала о стране басков, как вдруг замолкла и стала прислушиваться, поворачивая голову правым ухом по пути движения. Ей слышался знакомый мотив, который становился четче с каждым пройденным метром. Она ускорила шаг, и вот она уже почти выбегает из-за забора, отделяющего склад снабжения от ветеринарных загонов. Она видит, как очень высокий худощавый молодой парень, находясь в клетке с леопардом внушительных размеров, танцует как бог, нет, круче, как Майкл в лучшие годы под включенный с портативной колонки трек «Шанель» Фрэнка Оушена. Леопард в это время не то чтобы не проявлял агрессию, он просто лежал на бревне, подвешенном под потолок, и откровенно скучал. Его передние лапы были перебинтованы. Алим эффектным танцевальным движением вылил старую застоявшуюся воду из миски и налил новую. Вышел из клетки, закрыл ее за собой и после увидел, что к нему идут командор и незнакомая девушка. Пойдя им навстречу, он выключил музыку и тщательно вытер руки о штаны, прежде чем протянуть ее.

– Здравствуйте, меня зовут Алим. А вы, наверное, журналистка, которую мы все так ждали?

– Здравствуйте, да, виновна, это я. Мое имя Леа. Приятно познакомиться. Я поражена вашими заклинательными навыками. Это был специальный танец, гипнотизирующий лео-

парда?

– Хотелось бы, но это мой повседневный заурядный та-
нец, а тот, о котором вы говорите, к сожалению, а может и к
счастью, все зависит от человека, его исполняющего, не су-
ществует, – Алим заметил тату Леи и тут же поднял одну
штанину, оголив ногу по колено, показывая на тату, распо-
ложенное на икроножной мышце, в виде радужного флага и
двух надписей – арабской вязью и на латыни.

– Что там написано? – спросила Леа, пытаясь разглядеть
откровенно плохой портак.

– Не смертный грех, – ответил Алим, закатывая штанину
обратно.

– Ужасное, – оценила тату Леа.

– Чудесное. Чудо, что вообще можно что-то разобрать, ес-
ли учесть состояние человека, который мне это бил.

Леа улыбнулась и сказала:

– Ну, рассказывай, родной.

– Что тебя интересует?

– Все.

– Пойдем, может, присядем тогда. Нальем холодного чая,
и я тебе все расскажу. У нас есть целых три часа до следую-
щего укола Гаю Юлию.

– Кому?

– Леопарду. Он пока один умудрился пострадать в отсут-
ствие доктора Эбель. Мы здесь всем хищникам даем имена
политиков и различных исторических личностей. Этот мо-

лодой леопард, к сожалению, не без нашей вины получился очень добрым к людям, почти ручным, поэтому Гай Юлий. Почему? Андрей боится, что из-за своей доброты он пострадает. Нил, вы с нами?

– Нет, если ты действительно займешь нашу гостью на три часа, то я, пожалуй, их потрачу на свои дела.

– Вы не хотите услышать историю Алима?

– Расслабься, милая моя, что он там не слышал. Пойдем, не хватало мне, чтобы мои хорошие взаимоотношения здесь портила агрессивная активистка.

– Она совершенно не такая. Хорошо провести время вам! – крикнул уже отошедший от них Нил и скрылся за углом здания.

– Он один из лучших людей из тех, кого я знаю, – сказал Алим провожавшей Нила взглядом Лее. – Ну, кроме доктора Эбель, естественно, она не человек, она моя богиня.

Леа и Алим сели за пластмассовый круглый стол в тени большого пляжного зонта. Алим резко подскочил, вспомнив об обещанном чае. Проходит мгновение, и он уже снова здесь с двумя стаканами, чайником и чашей со льдом. Внимательно обслуживает свою гостью и садится напротив.

– Ну, спрашивай, моя дорогая.

– Я ожидала встретить здесь очень разных людей, но ты меня очень удивил и порадовал. Так что рассказывай все от своего рождения и до сегодняшнего дня.

– Так, ну родился в Сирии, как город называется, забыл,

ой, да я и не запоминал. Когда мне было три года, родители переехали в Берлин.

– Ой, подожди секунду, совсем забыла. – Леа достает из поясной сумки телефон, включает в нем диктофон, ставит его на стол. – Все, прости, продолжай.

– Так, значит, мне три года, я, Берлин. Естественно, как ты понимаешь, что от сирийского во мне только имя. Родители не стали делать мне братьев и сестер, меня еле тянули. Накопили денег, отправили учиться. Затем молодые глупые мучения о том, что я вру всем окружающим. Признание отцу в своих любовных предпочтениях. Ссора с отцом. Вот я дурак, не говорил бы ничего, ушел бы старик, не зная, и был бы счастливее, что ли. Ну, уже поздно, да и не важно. Отец, естественно, за мое обучение платить не хотел и знать меня тоже. Затем клуб, самая отчаянная пьянка в моей жизни, закончившаяся пламенной речью доктора Вилды Эбель. Я благополучно доучиваюсь и спустя четыре года с той самой тусы я здесь, с моей богиней, спасаю тот кусочек мира, который нам по силам. Все, – выдохнул Алим.

– Ну ты понимаешь, что я очень заинтригована, но не удовлетворена. С момента тусовки подробнее, пожалуйста.

– Это случилось в ночь перед началом нового учебного курса, к которому я не мог приступить. Я горевал и злился на отца. Поэтому алкоголь и прочие нехорошие штуки были во мне под завязку. А в этот день я должен был с Маррой, моей сокурсницей и хорошей подругой, помочь докто-

ру Эбель с выступлением перед молодыми абитуриентами. Я, естественно, не пришел. Мара рассказала, почему. И моя богиня, недолго думая, кинулась меня искать. Поехала к родителям, мать сказала, что я живу у друзей, и дала адрес. Друзья выдали клуб, куда я отправился. И вот в два часа ночи, когда веселье достигло апогея, она меня нашла. И начала силой меня тащить на улицу. Я сопротивлялся, и обитатели клуба решили, что это моя мама, недовольная выбором сына, тянет его обратно в гетеросексуальный мир. Музыка остановилась, и человек, разогревающий толпу, начал поток всей своей притесненной ненависти на нее. Ну просто оскорбительную чушь нес, никак не относящуюся к описанию доктора наук. Моя богиня терпеливо выслушала все, толкнула меня на диван, стоявший рядом, я рухнул на него, как мешок сама знаешь чего. Сама поднялась к диджейскому пульта, вырвала силой микрофон у того умника и начала свою речь с громкой фразы «Я вас всех призираю». Клуб стих, и только все хотели перейти на оглушающий вой недовольства, она продолжила свою речь. «Я вас всех призираю, – повторила она. – Я доктор Вилда Эбель, являюсь преподавателем и куратором этого заблудившегося ребенка. Я презираю вас не за ваш внешний вид, не за то, кого вы выбираете любить, а за вашу жестокую и бессердечную праздность, которая не отпускает его. У этого человека рухнет жизнь». Тут ей из зала кто-то из моих «друзей» крикнул: «Его отец козел, вот и все, от этого жизнь не разрушится». – «А от того,

что он должен завтра идти учиться, а он здесь тратит время? Это очень хороший, способный парень. Я горжусь тем, что он мой студент. И если вы считаете, что можете его украсть у науки, то вы сильно ошибаетесь. Я сама оплачу его обучение! А вы дальше продолжайте веселиться и обвинять всех кругом, что вас не понимают». Тут кто-то сталкивает меня с дивана, так как я мешал ему встать, поднимается к ней и говорит: «Здравствуйте, меня зовут Макс, я хозяин этого места. Я прошу прощения от лица всех, кто здесь вас освистал. Произошло недопонимание. Я не могу знать ситуацию каждого посетителя. У подобных заведений такая суть – не вникать в проблемы, а отвлекать от них. Вы можете его забрать. Но я не могу вас отпустить с мыслью о том, что мы наркоманы и алкоголики, озлобленные на весь мир. Позвольте нам помочь. Все послушайте меня внимательно. Необходимо собрать деньги на учебу. Кто сколько может». Он кивнул официантам и хостес, те пробежались по рядам, собрали деньги. Спросил номер ее счета и тут же отправил ей деньги. Там было в два раза больше, чем надо. Меня выволокли и помогли посадить в такси, она вышла под аплодисменты. Теперь на входе того клуба табличка – «Если у тебя проблемы в жизни, это не место их решения». Забавно, для меня это место решило мои проблемы. Мне было стыдно перед ней еще несколько месяцев. Я старался изо всех сил. И с того дня я ни разу ей не дал повода во мне усомниться. Поэтому когда она вернулась из своей первой поездки сюда и сказала, что

ей нужна моя помощь, я без сомнений отправился за ней в это богом забытое место.

– Я все больше и больше хочу с ней познакомиться.

– Ну, она недавно уехала и будет только через две недели минимум. Если дождешься.

– Нет, я не могу столько ждать. Мы закончим здесь, ребята отправятся домой монтировать, а я сразу к ней. Ты сказал, что не позволишь мне испортить здесь хорошие отношения. Они с самого начала были такими?

– Нет конечно. Агрессии не было Нил это пресек сразу же. А вот напряжение я чувствовал. Особенно Дубака и его люди. Они вообще со мной не контактировали, как будто меня нет, что-то шутили на своем языке и смеялись, смотря на меня. Но после того случая, когда доктора не было на месте... Они подкармливали слоненка слишком большими кусками тыквы, слоненок поперхнулся и начал задыхаться. У всех паника. Что делать? Женщина-ученый приедет, и им конец. Я, не нервничая, подошел, сунул руку в глотку слону, освободил дыхательные пути, все дела. После этого они во мне видят исключительно нужного человека и не замечают внешней чешуи, которая их раздражала.

– А если бы ты не был хорош в своем деле? То так бы и подвергался презрению?

– Дорогая моя, если бы я был хоть на процентик хуже в этом деле, то не**й мне тут делать. Но, с другой стороны, в их защиту могу сказать, что после принятия меня благодаря

моим навыкам они стали лучше относиться и к другим людям моей ориентации. Хороший пример индивида всегда положительно влияет на отношение ко всей группе. Так же как и плохой, только уже негативно.

– А ты откуда знаешь, что они лучше относятся к таким, как ты? Есть еще такие, как ты?

– Ну конечно, дорогая моя, о чем ты говоришь. Везде, где живут люди, есть гомосексуалы и лесбиянки. Только вот где-то они свободно в этом признаются, а где-то боятся. Дубака подошел ко мне и рассказал об их старом друге, с которым они все оборвали связь, узнав о том, кто он. Но после меня ее восстановили и хорошо дружат по сей день. Он даже приезжал спасибо говорить. Я очень горжусь этой своей маленькой победой, она для меня очень важна.

– Нил мне сказал, что вы фактически обманываете свой институт и вместо исследований занимаетесь спасением животных. Мне можно об этом говорить в своей работе или это создаст вам проблем?

– Нил, видимо, давно не вникал в эту историю. Доктор Эбель давно уладила этот вопрос с руководством. Они продолжают платить за наши «исследования». Приезжали ее коллеги, увидели ветблок, поняли, почему исследование стоит на месте. Ее доброжелатели доложили наверх, ждали, что будет скандал, а добились того, что денег стали давать в два раза больше, да еще современную полевую лабораторию прислали. Она, кстати, стала отличной операционной. Все,

что я слышал, это как Вилда сказала: «Ваша кафедра из зоологической превратится в палеонтологическую!» и захлопнула ноутбук. Видимо, она им хорошенько вставила. Потом связались со мной, просили извиниться перед ней и чтобы она им ответила. Так что можешь об этом говорить сколько хочешь. Единственное, наверное, не стоит упоминать о том, что она ругалась с руководством.

– Хорошо. А что с Гаем Юлием?

– Да глупый кошак прыгивал с дерева и передними лапами прям в битое стекло. Спешил поздороваться с Пакко, он его и привез. Мы тут стараемся навести порядок, но все очистить очень сложно, рук не хватает. Тут же до нас тридцать лет сафари и свинского туризма. Люди же имеют талант засрать все, где появляются. Не переживай, не умрет, укольчик поставлю, мало ли какая зараза на этом стекле, и будет как новенький.

Лишние не нужны

Николай, Андрей и трое новеньких совершили почетный круг по территории и остановились у того стола, где вчера проходил шахматный поединок. Решено было провести знакомство здесь.

– Здравствуйте еще раз, друзья, меня зовут Андрей, это Николай, мы здесь уже довольно долго работаем, прошу заметить, именно работаем, а не служим, так что нам доверили вас курировать первые месяцы здесь. Почему я сказал,

что мы именно работаем. Потому что это заповедник, а не армия. Здесь вам стрелять придется одну сотую процента от времени, все остальное время занимает прикладной труд. То есть мы здесь сами себя обслуживаем. Если вы с техникой дружите, добро пожаловать в гараж, если обладаете навыками в строительстве, то здесь работы непочатый край.

– Так я не понял, – перебил его один из новеньких. Он выглядел на порядок старше Андрея. – У меня и Марка, – он указал на своего товарища, – по шесть тысяч настрела из снайперской винтовки и по шесть боевых выходов. Мне в офисе обещали стрельбу по браконьерам, а вы мне предлагаете в мазуте гайки крутить?

– Да, что за ерунду вы городите? – поддержал друга Марк.

– Так, дайте угадаю, brave вояки, которые в личные дела насрели так, что теперь в армию даже у КПП постоять не пускают? Так вот что я вам скажу, – Николай взял три личных дела, отдал папку с фотографией молчавшего новенького Андрею, а остальные выкинул в бочку для мусора и указал пальцем на вертолетную площадку.

Воины удивились наглости и посмотрели на Андрея, думая, что он старший и сейчас урезонит подчиненного. Но Андрей лишь добавил:

– Дорогу забыли?

Двое встали и, матерясь и проклиная все вокруг, пошли к вертолету.

Николай поворачивается к оставшемуся новобранцу,

мгновенно меняет лицо на приветливо-доброжелательное, протягивает руку и говорит:

– Привет. Сандр, я правильно прочитал?

– Да.

– Очень приятно и добро пожаловать в нашу команду, – сказал Андрей, протянув руку Сандру.

– Взаимно, я, правда, в замешательстве. Я такой же вояка, насравший в свое личное дело и с треском вылетевший из армии. Мне с ними идти? – он указал пальцем на вертолетную площадку.

– Ели хочешь, да. Если захочешь остаться, мы не против.

– Почему вы не против меня, но так быстро выгнали их?

– Как бы тебе проще объяснить. Мы с Николаем самодуры, которым дали власть, вот мы и выполнили задачу, как считали нужным. Ты нам сразу понравился, они – нет. Ты вылез из вертушки, помог съемочной группе, они стояли в стороне, когда Фриц подбежал к нам, ты его погладил и почесал за ушком, а это уже крупная взятка. Это даже незаконно немного.

– А еще ты смеялся, когда мы выступали перед командором, а они смотрели как на душевнобольных, – добавил Николай.

– Пойми, мы принимаем это решение так легко, потому что мы лентяи. Если бы мы провели анализ каждого, долго вас проверяли, это все равно ничего бы не значило, вероятность ошибиться была бы та же. Ведь мы понятия не имеем,

как проводить такие проверки. Так, если ты окажешься под-
лецом, мы не будем переживать на этот счет, так как ника-
ких сил на выявление этого не потратили. Как-то так. Я сам,
честно говоря, запутался в своей логике.

– Короче, ты нам сразу понравился, они нет, вот и все, –
упростил все Николай. – Рассказывай, откуда ты и почему
немного понимаешь русский?

– Я из Хайфа. Я русский вообще понимаю на слух непло-
хо, просто произнести понятно ничего не могу. Родители им-
мигрировали из Петербурга в девяносто первом. Они часто
общались с друзьями и между собой на русском. Я много его
слышал. Но вот когда начинал что-то говорить, все реагиро-
вали так, будто у меня инсульт, и я стеснялся всегда этого,
поэтому все меньше пытался. Служил в армии, не смог вы-
стрелить в человека, который явно был агрессивен настроен,
из-за чего ранили моего офицера. И вот меня выгнали, и я
здесь.

– Не парься, здесь тебе не придется это делать через силу,
тут маньяков, делающих это за тебя, хватает.

Отто сфотографировал место с посланием, собрал к себе
в сумку все улики и пошел к квадроциклу, на котором прие-
хал. Идя, он непроизвольно оглядывался, ускоряя шаг. Вско-
ре он перешел на бег и, сам того не заметив, перемахнул со
стремянки на стремянку, не касаясь ограды и шкуры, лежа-
щей на колючей проволоке. Оказавшись по ту сторону забо-

ра, он остановился и сказал себе: «Так, стоп. Если бы в меня собирались выстрелить, уже давно бы пристрелили. И даже если мороз по спине из-за того, что кто-то сейчас смотрит на меня через прицел, то все равно я должен доставить послание, и они точно меня, по крайней мере сегодня, не убьют. Тогда скажи мне, Отто, болван, зачем ты до этого показал свой страх врагу? Ай-я-яй, как же стыдно перед самим собой, а что бы было, если бы кто-то из ребят был рядом?!»

Отто оглянулся в последний раз и пристально посмотрел вдаль. Обратил внимание на возвышенность, поросшую кустарником, в 600 метрах от него, сказал: хорошее место, я тоже бы там залег! Помахал в ту сторону и, больше не обращившись, спокойно пошел к машине.

Приехав на базу, он бросился искать командора. Встретив Андрея, Николая и Сандра, он вдруг остановился, с интересом внимательно посмотрел на Сандра, протянул ему руку и спросил:

– Новенький?

– Да, сегодня прибыл.

– О, это хорошо, нам нужны надежные люди. Но, скорее, все же зря.

– Не понял, что зря? – спросил удивленный Николай.

Отто, игнорируя Николая, посмотрел на Андрея и спросил:

– Где командор?

– Эмм... скорее всего, у себя, дает интервью.

– О, журналисты – это очень кстати, – пробормотал себе под нос Отто и быстрым шагом двинулся в сторону штаба, оставив своих недавних собеседников в полном недоумении.

Сандр посмотрел на Николая, а тот, в свою очередь, смотрел вопрошающе на Андрея. Андрей, провожая взглядом Отто, сказал:

– Это был Отто, он из Мюнхена, в прошлом работал то ли детективом, то ли судмедэкспертом, не помню уже. С самого основания организации здесь. Как-то раз браконьеры настолько оборзели, что на грузовике пробили ограждение в дальней точке от базы, и пока мы очухались, они пристрелили слониху, у которой был слоненок. Зацепили ее тело цепями к машине и уволокли его за территорию заповедника, где с помощью второй машины с лебедкой загрузили ее в грузовик и увезли черт знает в какую сторону. Естественно, следы запутали и разделились. Поняв, что погоня бесполезна и не желая оставить заповедник и базу без части людей, командор приказал сворачиваться, оставив людей для ремонта ограждений. Но Отто быстро сообразил, кого именно не хватает в семье слонов, и заметил следы слоненка, который побежал за матерью. По следам слоненка он понял, в какой из двух машин увезли слониху. Ни слова не сказав нам, он сел в машину, позвал меня и Колю с собой, и мы бросились в погоню. Через пару километров мы нашли слоненка, который был обессилен и лежал на дороге. Мы с Колей выбежали к нему узнать, жив ли он. Убедившись, что слоненок жив, я

кивнул Отто, который сидел в машине, что, мол, все хорошо. А Отто резко дал по газам, объехал нас и кричал в окно: «Позаботьтесь о малыше! А я еще не все!» И умчал вдаль. Мы дождались помощи, доставили слоненка в ветпункт. Настал вечер, а Отто еще нет. Мы собрались на поиски, но командор запретил после заката покидать территорию заповедника. И вообще, он запрещает работать за его пределами. Прошла ночь, и под утро явился Отто как ни в чем не бывало. Ни слова не сказав, рухнул спать и проспал до самого вечера. А в обед примчали местные вояки, которые в этой Богом забытой стране выполняют роль и полиции. Начали интересоваться, не знаем ли мы чего о сгоревшей машине, в которой было три трупа, судя по позам, сгоревшие заживо. А рядом с машиной труп слона. Еще одна машина, джип с самодельным подъемным краном, был неподалеку, расстрелян водитель внутри был как дуршлаг. Естественно, мы отrekliсь и сказали, что за пределами заповедника не работаем. А вояки особо и не хотели с этим разбираться, поэтому все быстро утихло. Вечером проснулся Отто и всю ночь провел в ветпункте у слоненка. Прошло больше года, но никто даже не осмелился поинтересоваться у Отто, что это было?!

– Да, Отто у нас вообще легендарная, я бы даже сказал полумифическая, личность, – сказал Николай.

– Я, честно говоря, немного напрягся от него.

– Да, я тоже, – согласился Андрей. – Видимо, что-то случилось, обычно он не такой странный.

– А ты чем хорош? – вернулся к новенькому Николай. – Молекулярная инженерия, астрофизика, атомная энергетика? Нам все руки хороши на ремонт забора.

– Я, честно говоря, никакими такими навыками, кроме службы в армии, не обладаю.

– О, Андрей твой товарищ. Ты, значит, у нас бестолковый.

– Нет, он просто гуманитарного склада ума, – вступился за Сандра Андрей.

– Ну, а я как сказал?

– Все, вот и нет у тебя пути обратно, пока съемочная группа не закончит, – указал Андрей на взлетающий вертолет.

– Теперь ты часть команды, часть корабля. Вертолет вернется только уже за журналистами, – сказал Николай.

Чат с врагом

Отто постучался в кабинет и, не дожидаясь ответа, тут же в него вошел. Нил уткнулся в клавиатуру и, не отрываясь от нее, одним пальцем вводил какой-то текст. Поднял голову на экран и тут же скорчился от досады.

– Что, забыл поменять раскладку клавиатуры? – спросил его с ходу Отто, терпеливо ждавший, когда Нил закончит.

– Что? – не понял Нил.

– Да откуда вам, носителям международного языка, знать эту боль? В общем, забудь. Где, кстати, журналисты? – Отто оглядел быстро углы кабинета.

– Леа, которая у них главная, сейчас с Алимом. Осталь-

ные внизу готовят площадку, где будут снимать интервью с каждым. Так что ты бы побрился к вечеру.

Отто не стал ходить вокруг и сразу выложил все то, что с ним случилось с утра. Показал фото, записку и бивень. Поделился своими опасениями на этот счет. Выслушав, Нил вышел в интернет, авторизовался на «Орионе», ввел точно с бумажки имя пользователя и тут же написал:

– Здравствуй «друг». – Посмотрел на Отто. Тот одобряюще кивнул. И они замерли в ожидании, уткнувшись в монитор.

– Ну наконец-то! – Ответ не заставил себя долго ждать. – Здравствуй, Нил, как самочувствие? Как себя чувствуют зверушки? Они сегодня утром врывались в твоё окно, чтобы тебя разбудить и помочь заправить под твоё ангельское пение постель? Или у вас, отбитых зоозащитников, не так утро проходит?

– У меня времени нет с тобой шутки шутить. Выкладывай, к чему эти послания и попытка взорвать моих людей?

– Мои мотивы просты. Чтобы ты понимал, это я выставил на сайте объявление на вашего носорога. Видимо, ценник сильно завышен и никто не верит в то, что это правда. Поэтому я решил сам привезти деньги к воротам вашего заведения и скомандовать фас всем желающим их забрать. Зачем я это делаю? Сейчас покажу, – Он прикрепляет к сообщению фото комнаты, заставленной чучелами различных животных, в центре которой в большом стеклянном кубе был постамент

с надписью «носорог Нила».

– Судя по домику, ты не бедный малый.

– Еще бы. Чтобы ты понимал, я не вру насчет десяти миллионов. Я действительно их заплачу тому или разделю между теми, кто предоставит мне доступ к этому животному. Так что, Нил, предлагаю один раз: отдай мне носорога, и у вашей маленькой конторки будут деньги на спасение других видов животных. Купите ударный вертолет и будете ракетами расстреливать браконьеров. Он же последний, этот вид уже не восстановить. Зачем рисковать жизнью, защищая то, что уже исчезло? Он же уже призрак. Призрак, который может принести неплохой доход. Нужно всего лишь выбрать малое зло ради большого добра.

– Ван Пелт. Я правильно написал? Послушай меня. Я уже очень стар. У меня нет семьи, кроме моих людей, нет дома, кроме этого заповедника. Я считаю, что человек имеет право убить животное, только если смертельно голоден. Я вижу, что ты не голодаешь. А если животное вымирает, мы даже хищникам не даем шанса полакомиться им, хотя они имеют на это полное право. Что касается призрака, так с ним вообще все сложно. Я так к нему прикипел и проникся, испытывая только вину за всех людей, которые довели до того, что он одинок, по этому я позволю только падальщикам к нему прикоснуться. Ровно на том месте, где он замертво рухнет. И пока он не разложится и его кости не растащат гиены, я и мои люди не подпустят к нему ни одного человека. В этом

я могу быть уверен на сто процентов. Только естественные процессы заберут его у нас.

– Значит ты готов, заплатить жизнями не последних людей, за жизнь последнего носорога?

– Да – ответил Нил.

– Хорошая позиция, я ее уважаю, и, честно говоря, ждал именно этого ответа, тем более я уже лечу к вам, и у меня все по плану движется. Слишком много времени на подготовку этого мероприятия вложено, чтобы просто отдать тебе деньги. Да и цена добычи резко упадет из-за этого. Но все равно интересно, какая мораль у убийц людей.

– В мире много убийц, которые делают это ради наживы, религиозных или политических взглядов. Я же профессиональный убийца, который нашел для себя оправдание и очень им дорожу. Я считаю, что у меня самый уважительный и благородный повод стрелять в людей.

– Приятно осознавать, что я не один такой псих и на противоположном полюсе моих интересов есть такой же маньяк. Это вдохновляет. Так, чтобы ты понимал, что я не просто болван, который тратит твое благородное время, пригнись. Успей в течение трех секунд. Пока.

Только Нил сообразил, что остроумного ответить оппоненту, Отто взял его в охапку и рухнул с ним на пол, прикрывая его собой. По ощущениям прошло секунд пять, затем десять, и Отто почувствовал, что ситуация стала неловкой,

перекатился с Нила и хотел встать, как вдруг окна кабинета начали сыпаться от пуль. Огонь был интенсивный, но непродолжительный. Но и того хватило, чтобы превратить кабинет Нила в место мало приятное. Прошло меньше минуты после прекращения огня, прежде чем Отто осмелился выглянуть в окно. Но в долине, откуда примерно велся огонь, уже никого не было, был лишь виден столб пыли от транспорта, а какого именно, не ясно.

Нил схватил свою рацию и по общему каналу сообщил о нападении и приказал всем свободным собраться в штабе. Связался с Пакко, приказал ему и его группе выдвигаться на базу. Всем, кто находились в этот момент в карауле на наблюдательных пунктах, залечь и ждать дальнейших распоряжений.

– Анри, ответь. Анри, ответь, вызывает штаб. Анри! – закричал в трубку командор.

– Да, Нил, слушаю тебя, – наконец ответил Анри.

– Срочно забирай подопечного и, не оглядываясь, гони к штабу.

– Понял, будет сделано.

Анри бросил рацию, крикнул трем помощникам приказ о боевой готовности и отступлении в штаб. Сам побежал к месту, где с утра был замаскирован грузовик ЗИЛ 130 с наваренными на борта кузова стальными листами, которые должны были защищать перевозимый груз от выстрелов. Он всегда дежурил рядом с носорогом и лишь пару раз в день пе-

регонался поближе к тому месту, куда носорог перешел. И был всегда в досягаемости минуты бегом. Помощники Анри подбежали к носорогу, который давно к ним привык и не обращал внимания. Скинули свои бронежилеты и словно седла накинули на носорога. Став в круг спинами к носорогу. Анри, подбегая к машине, увидел, что на крыше кабины лежит и дремлет молодой лев, видимо, изгнанный из прайда. Тень от крученой акации и возвышение делали грузовик хорошим местом отдыха. Анри, увидев его, и не подумал останавливаться. Винтовку из-за спины с ремня снимать на бегу не с руки, а вот пистолет всегда в кобуре на груди, легко. По мере приближения он начал громко кричать, руками махать, как умалишенный. Лев лишь обратил на него внимание и никак не собирался шевелиться. Анри приблизился еще ближе, и котик уже встал в стойку, больше имеющую атакующий характер. Когда меж ними было метров десять, Анри закричал еще громче и начал стрелять вверх из пистолета. Такой наглости котяра не ожидал и решил все же ретироваться, но сделал это, по мнению Анри, недостаточно быстро, за что получил удар ногой по заднице от почти ставшего профессиональным давным-давно футболиста. Хорошо, что он был один, без своего прайда, иначе львицы бы его засмеяли. Анри быстро запрыгнул в кабину, не дожидаясь ответа от обиженного, завел машину и поехал к носорогу. По пути его отпустил кураж, и он начал потихоньку осознавать, что только что сделал. Голова закружилась, не останавливаясь,

он открыл дверь и избавился от недавно съеденного обеда. Подъехав к носорогу, Анри выбежал из кабины, открыл задний борт и с помощью одного из тех, кто только что прикрывал носорога, выдвинул и опустил массивный пандус, по которому животное должно подняться в кузов. В машине помимо их обедов было и ведро вареной пшеницы с кусочками сладкой тыквы. Этим лакомством они налаживали дружбу с трехтонным танком от животного мира. Но в ведре на случай такой ситуации был замешан препарат, успокаивающий зверя. Дав его понюхать и чуть-чуть попробовать, носорога заманили в кузов. Пока он ел, его зафиксировали ремнями. Анри постучал по крыше кабины, после чего они на пониженной передаче, насилуя двигатель, двинули к базе.

Все, кто был в это время на территории базы, собрались в штабе на первом этаже. Леа была взбудоражена, но терпела, ожидая, когда ей разрешат задать вопросы. Андрей стоял в углу, грыз ногти, Николай отдергивал его руку, чтобы он перестал. Сандр сидел на лавке и бросал короткие взгляды на всех присутствующих, пока не встретил взгляд Аккихино, который тихо, не издавая звуков, выразительно проговорил «все хорошо», так что тот смог прочитать по губам. Командор сидел и шепотом переговаривал с нависшим над ним Отто.

В штаб зашел Пакко с теми, кто ремонтировал ограждение. Понял, что еще ничего не было сказано, выбрал себе место и тихо сел.

– Так, почти все на месте. Пятеро в дозоре по заповеднику, четверо придут сейчас с носорогом. Четверо здесь по территории на охране. Пока не все собрались, я должен сообщить присутствующим. По нам открыли огонь, и это не шайка озлобленных браконьеров захотела отомстить. Это спланированная акция. – Аккихиро покашлял и указал пальцем на Лею и ее группу. – Ничего страшного, Акки, этим людям я доверяю полностью. И, наверное, не стоило тебя напрягать созданием сценария для представления.

– Спасибо, командор, за то, что сказал это вслух, теперь они думают, что я странный, не доверяющий никому тип.

– Это называется реалист. Ладно, скажем, что это была моя инициатива, – сказал Нил, давая понять, что сейчас это неважно.

В штаб влетели Анри и его помощники. Анри доложил, что носорог доставлен в целости и сейчас уже под защитой охраны базы.

– Хорошо. Найдите себе места и садитесь. Так как большинство собралось, я могу начинать. Все мы знаем, что нам удалось попасть на сайт браконьеров, в котором они обмениваются информацией и впечатлениями. Так вот, уже сегодня утром Отто наткнулся на послание, оставленное людьми некого Ван Пелта. В нем он просил меня связаться с ним на этом сайте. Пообщавшись с ним, я узнал, что это он выставил объявление на нашего носорога. – Леа толкнула локтем своего звукача, чтобы он начал запись. – И цена десять мил-

лионов – это не шутка, он действительно готов заплатить их. Видимо, ему никто из коллег не поверил, и он сейчас летит лично возглавить эту охоту. А стрельба по штабу – это лишь его жест показать, насколько он серьезен и что все еще впереди. Не могу утаить от вас еще одну деталь. Вы имеете право знать. Он предложил нам десять миллионов за беспрепятственное убийство носорога. Он хочет сделать из него чучело. Так как эти деньги могут нам серьезно помочь в нашем деле, а носорог этот последний в своем виде и род ему продолжать не с кем, я предлагаю провести голосование.

– Так, стоп, не-не-не. Нил, не хочу даже слышать об этом. Не хочу знать, кто из нас проголосует за, – возразил Андрей.

– Я полностью согласен с тобой, но голосование мы проведем. Кто за то, чтобы взять деньги, поднимите руку. – Все стали переглядываться, но никто руку не поднял. – Хорошо, если принять, что нас сейчас большинство, и предположить, что все, кто сейчас отсутствуют, поднимут руку, то все равно большинство против денег. Это хорошо. Тогда слушаем план наших действий. Всю деятельность, кроме дежурства и патрулирования заповедника, прекращаем. Все свободные силы бросаем на укрепление обороны базы. Необходимо в первую очередь укрепить загон для носорога, сделать его непростреливаемым и создать все условия для его комфортного пребывания. Алим, сколько мы можем держать животное взаперти без вреда для его здоровья?

– Точно не могу сказать, он все же не в зоопарке рожден.

А сколько это продлится?

– Я не могу пока сказать.

– Ну в плане физического комфорта я готов сделать все возможное, чтобы животное не страдало. А что касается влияния на психическое его здоровье, тут мне нужно проконсультироваться с доктором Эбель.

– Хорошо. Сейчас все на укрепление загона и помощь Алимю. К тому времени я разработаю план обороны, и мы займемся направлениями, наиболее вероятными для атаки. А пока вперед, мои псы войны.

Помещение наполнилось лаем и воем, который так же быстро, как и начался, стих, и все кроме Леи и ее группы покинули помещение. Нил достал из стола папку, в которой был план базы и ближайшей местности вокруг с набросками, обозначающими окопы и огневые точки.

– Ведь давно хотел этим заняться на такой случай. Но кто бы мог в такое поверить? – говорил сам с собой Нил. – Да, Леа, задавай все вопросы, которые вас интересуют. Я вижу, у тебя их много накопилось.

– Этот сайт, о котором ты говорил, можно о нем поподробнее? Я перед поездкой к вам искала подобную информацию, но не нашла.

– Да, найти его сложно, он находится в «даркнете». Попадают туда по приглашению в офлайн. Но есть возможность зарегистрироваться, пройдя сложную модерацию. Мы около года пытались туда попасть. И вот буквально на днях с помо-

щью сомнительного способа нам удалось это сделать. Сейчас я понимаю, что нам это просто позволили.

– Этот человек под именем Ван Пелт, у тебя есть предположение, кто это?

– Что касается личности – нет. Но как тип я могу его классифицировать как очень богатого человека, который одержим своей таксидермической коллекцией. Таких на самом деле немало. Но вот он выделяется тем, что сам лично этим решил заняться. В средствах и методах достижения цели себя не ограничивает.

– Почему вы не просите помощи у местных властей?

– Я почти уверен, что он со своими деньгами к ним и отправится. И мы завтра утром будем стрелять с местными друг в друга. Здесь такие деньги способны купить все. Я сейчас надеюсь в случае нашей блокады договориться на ваш свободный выход. Но лучше вам сегодня поехать в город. У Андрея есть связь с таксистом, который может вас отвезти. Там есть гостиница, в ней безопасно. А завтра уже прилетит вертолет и отвезет вас в цивилизацию. Если не получится с такси, я выделю человека, он вас на нашем транспорте отвезет.

– Я тебя хочу расстроить, но мы не собираемся уезжать.

– Не говори за всех.

– Так, ребята, проводим голосование, кто за то, чтобы остаться в месте, где нас могут убить, но сделать интересный сюжет?

Все вяло подняли руки.

– Леа, что за демократия, мы что, первый раз? – возразил звукорежиссер.

– Да ты учти, если у нас действительно меньше суток осталось до заварушки, то нам придется сейчас бежать записывать интервью с каждым. Нил, мы можем брать по одному человеку и отвлекать их от выполнения задач? – поинтересовался оператор.

– Да, конечно, – ответил Нил.

– Да, вы правы. Нужно поспешить. Наверное, будем брать группами по три человека, и сколько успеем за сегодня, столько и будет. Все, идите настраивайтесь, а я пойду позову первую тройку.

– Давно все настроено, тебя ждем, – поторопил ее звукач.

Нил с удивлением наблюдал, как они невозмутимо, почти скучая пошли к лестнице, которая ведет в подвал, где у них все готово для интервью. Эти люди не первый раз рискуют жизнями, подумал он.

Интервью

Леа подошла к загону, где все трудились как муравьи. Кто-то насыпал в мешки песок, кто-то складывал из них укрепления. Молодой уже квартет залез на столбы и натягивал маскировочную сеть.

– Пакко, Отто, Анри, можно вас отвлечь, это буквально займет полчаса, – позвала старый костяк Леа.

– Что, Нил просит вас сопроводить в город? – поспешил с выводом Отто.

– Нет, мы проведем групповое интервью с вами, – горделиво ответила Леа.

– А вы в курсе опасности, которая вам грозит? Эти парни не будут оставлять журналистов в живых.

– Так, стоп, – возразил Николай. – Леа, вы хотите полу-часовую жалобу на простату и жаркие споры о футбольных встречах, в которых будут звучать фамилии футболистов, которых давно нет в живых?

– Не слушайте этого малолетку. Мы идем передавать мудрость прожитых лет, – ответил ему Анри. Галантно подал руку Лее и пошел с ней к штабу.

Отто и Пакко пошли за ними. Зайдя в комнату, оборудованную под съемки, Леа предложила первой тройке сесть на черный кожаный диван, на который была направлена камера на штативе. Сама села на кресло, стоявшее перед камерой, так что она захватывала лишь ее плечо. А весь остальной кадр был заполнен интервьюируемыми, сидящими на диване. Когда старики рухнули на диван, Леа попросила дать команду, когда все будет готово к съемке. Вдруг Анри начал смеяться. Пакко, который чувствовал себя скованно, начал его толкать локтем, мол, успокойся. Анри с трудом сквозь смех смог проговорить:

– Я вчера вечером фильм смотрел, он примерно так начинался, – постучал кулаком по кожаному дивану и дальше

продолжил ржать как сумасшедший.

– Да успокойся ты, старый извращенец! – стыдился его Пакко.

– Все, все, простите, сейчас соберусь. Простите, Леа, можете приступать, – успокаивал сам себя Анри.

– Хорошо, значит, с вас и начнем. Расскажите вкратце о себе, откуда вы и как попали сюда, – обратилась Леа к Анри.

– Мое имя Анри Саваж. Мне сорок восемь лет, родился и вырос в Марселе. Служил в иностранном легионе. Служба у нас проходила в Южной Америке, конкретную страну и годы службы назвать не могу. Могу лишь сказать, что боролся с наркотрафиком. Там я познакомился с Пакко. Правда, по разные стороны баррикад. – Он засмеялся снова и толкнул в плечо Пакко. – Этот здоровяк чуть не убил меня. Кто бы мог подумать тогда, что я сейчас буду сидеть с ним на одном диване.

– Можно с этого места поподробнее. Очень интересно, как бывшие враги стали друзьями.

– Нет, это не так, мы не были врагами лично. Воевали наши организации. Мое начальство, кстати, как потом оказалось, было ничем не лучше его начальства. Да и друзья мои в этом погрязли. Надолго меня не хватило, и я ушел. Вернулся в Марсель, несколько лет работал на брата, катал туристов на прогулочных катерах. Было очень скучно, тогда я уже начинал жалеть, что ушел. Поехал я как-то в Париж навестить бывшую жену и дочь. Встреча не заладилась, и вот уже вече-

ром я сидел выпивал в баре. И что вы думаете? Смотрю я, сидит компания мужиков, а среди них Пакко. Я подошел и толкнул речь по поводу того, что я недоволен тем, что они дотянулись своими наркоручками до моей страны, хотел уже вступить в драку. Но Пакко объяснил остальным, откуда он меня знает и кто я такой. Остальными в его компании оказались Отто, Нил и еще пара парней, которые уже с нами не работают. Пакко попросил Нила предложить и мне поехать, тот сказал – только под твою ответственность. Вы понимаете, бывший бандит теперь должен ручаться за бывшего легионера. Я был возмущен таким ходом. Пакко рассказал мне, кто они, куда собираются и с какой целью. Я отказался, послал их всех и ушел. Но Пакко меня догнал, вручил бумажку с местом их прибытия и сунул несколько тысяч долларов, сказал, на дорогу. Утром я очнулся с болью в голове и бумажкой с местом назначения. И тут я понял, что очень не хочу возвращаться в Марсель. Эта работа стояла у меня поперек горла, я ведь из-за нее и запил, а не из-за того, что не мог забыть всех ужасов войны с наркокартелем, как все думали. Вот так бывший бандит спас меня от алкоголизма. Здесь мне нравится. Я впервые чувствую, что делаю что-то значимое и по-настоящему хорошее. Это для меня важнее денег. Ведь душевное спокойствие, как и здоровье телесное, за деньги не купишь.

– Ну, после такой истории я просто обязана спросить следующим Пакко. Каков ваш путь сюда? – переключилась на

Пакко Леа.

– Как сказал Анри, я действительно был в наркокартеле. Но я не выбирал эту работу. Все, кто жил в нашей деревне, были вынуждены идти в этот бизнес. Женщины на фасовке, мужчины в поле. Те, кто, как я, выделялись из общей массы силой, шли в солдаты. Человек, который стоял над всеми, был своего рода местным королем. Он был судьей, парламентом и президентом в одном лице, поэтому все безвольно шли к нему. Я был хорош в своем деле, и меня отправили руководить группировкой, которая занималась трафиком через границу той страны, в которой служил Анри. Раз уж он не может ее назвать, я, пожалуй, тоже не буду, хотя мне, собственно, все равно. Там я был сам дьявол. И я действительно тогда чуть не убил его. Хотя он много моих друзей пристрелил, сегодня он занимает их место в моей душе. Я и там недолго задержался, и глава картеля вызвал меня к себе и повысил до личного телохранителя. Прошло время, и я стал его правой рукой. У него было много братьев, но он их не приближал, а меня приблизил. Конечно, они меня все ненавидели. А как иначе? Но я этого не замечал. Я был простым деревенским дураком, который делал свою работу хорошо. Я занимался уже направлением на США, а там совсем другие деньги, часто ездил туда. И чем больше я там времени проводил, тем больше мне не хотелось этим заниматься. Я раньше и подумать не мог, что есть жизнь без торговли наркотой. Раньше я видел, что если ты не в бизнесе, то ты

влачишь жалкое существование. Когда я достиг успехов и на этом направлении, меня вызвал к себе главный.

– Как вам удавалось добиваться успехов везде, где вы участвовали? – проявила интерес именно к этому моменту Леа.

– Я был трудолюбив и безжалостен. Это лучшие качества для бандита, чем бы он ни занимался. Так вот, глава картеля хотел сделать меня наследником своей империи. Он не доверял своим братьям, они были, скажем прямо, тупыми муздаками. Бизнес вести не умели и имели главный недостаток в нашем деле – они сами сидели на товаре. Когда они узнали, что их старший брат выбрал наследником деревенщину, то, мягко скажем, сильно разозлились. Тогда они дали понять мне, что, когда хозяин умрет, они убьют меня и всех моих близких. С этими парнями шутки плохи, и я сбежал по поддельным документам в Англию. У меня дома остались младший брат и мать.

– Как же вы их бросили без защиты? – Леа уже была в предвкушении найденной внутренней гнили в человеке, который так честен в своих злодеяниях.

– Им ничего не угрожает. Дело в том, что если ты не лезешь в картель, то наша деревня – самое безопасное место во всей стране. Матери там хорошо, это ее родина, и она вряд ли бы согласилась в спешке уезжать. А брата я, еще когда занимал в картеле высокое место, устроил садовником в особняк наркобарона. Это одно из немногих мест, где можно за-

рабатывать на жизнь, не прикасаясь к наркотикам. А сейчас, когда у меня стабильная зарплата, я регулярно отправляю им деньги.

– Я говорила с Нилом, и он рассказал о тяжелых временах, когда денег не было. Если вы их перетерпели, это значит для меня, что деньги для вас не на первом месте. Что вас мотивирует продолжать быть в этом опасном деле?

– Я попробую взять на себя ответственность ответить за большинство, – начал говорить Отто. – Мы все так или иначе в прошлом связаны с работой, требующей от нас риска для жизни. И когда долго находишься на такой профессии, начинаешь привыкать именно к такому порядку вещей. Ты должен всегда помнить, что тебя могут убить. Это заставляет поспешить и успеть сделать как можно больше яркого. Сказать, что в этом нет азарта, – сильно слукавить. А когда по разным причинам мы переставали находиться в зоне риска, как, например, Анри. Это привело к тому, что он нашел утешение на дне бутылки. А Пакко так и вовсе притягивал неприятности каждый день. Нил рассказывал, что Пакко устроился охранником в паб, в котором он частенько выпивал. Кстати, по той же причине, что и Анри. И не было ни одного дня, чтобы Пакко не бился. Его постоянно провоцировали, и он всегда их бил. Нил говорил, что предыдущий вышибала этого заведения вышел на пенсию, и ему последние лет пять ни с кем даже беседовать не приходилось. А вот Пакко притягивал приключения до тех пор, пока Нил не позвал его с собой.

– А Нил знал, что вы бывший член наркокартеля? – Леа задала вопрос Пакко

– Да, в первый же день нашего знакомства, когда я устроился в паб, – ответил Пакко.

– Я примерно поняла, в чем ваша мотивация. Это немного не та версия, что была у меня вначале. Я, честно говоря, ждала, что это будет любовь к девственной природе.

– Ну это не для всех. Вот Отто точно здесь из-за этого, но не я! – сказал Анри.

– Отто, расскажи, как ты спас его от леопарда, – смеясь, попросил Пакко.

– А, ну конечно, давайте валять меня в грязи, – шутя высказал возмущение Анри. – Лучше я расскажу, так это будет самоирония, а не унижение француза немцем. Мы с Отто впервые патрулировали территорию. Мне срочно понадобилось в уборную, то есть в кусты, так как ближайший туалет в двенадцати километрах. Как только я удобно устроился, на меня нацелился молодой леопард. Молодой, но уже довольно крупный, чтобы выбрать такого мускулистого мужчину, как я, в качестве добычи.

– О господи, – закрыл лицо рукой Пакко. – К сути давай.

– А суть такова, что Отто увидел, что он крадется. И, когда он был на расстоянии смертельного броска, Отто выпустил одной очередью весь магазин своего АК в воздух. Я так был не готов к такому, что рухнул на землю и на животе с грязной и голой ... за мгновение преодолел добрых метра

три до ближайшего камня и уже целился во все стороны, не понимая во что.

– В его защиту могу сказать, что он был шокирован, но не поддался панике, – заступился за засранца Отто.

– И с того самого дня у меня регулярно случались проблемы, связанные с дикостью этой природы. Вот у всех есть фото с нашим носорогом в обнимку, где он их чуть ли не целует. А когда снимали такое фото со мной, он наступил мне на ногу и сломал на ней несколько пальцев. Ну не козел? А я уже черт знает сколько времени жизнь его защищаю, своей рискуя. Нет, меня здесь держит не защита тварей, желающих меня убить. Меня здесь держат товарищи, которых я очень счастлив найти и очень не хочу терять. Где мне еще таких найти?

– Отто, а что же вы? Какова ваша история?

– Скука смертная, – отмахнулся Отто. – Я давно знал Нила, еще с детства. Мы были в одном детском лагере целое лето. Это что-то вроде бойскаутов со всей Европы. А потом долго дружили по переписке. В отпуск друг к другу ездили. Я всегда близко к сердцу принимал проблемы с защитой животных. И когда Нил меня позвал, меня ничего дома не держало. И вот я здесь. Все.

– Конечно, я ожидала более развернутый ответ, но время поджимает, а нам необходимо еще две тройки успеть записать. Спасибо вам большое за ваши ответы.

– Вам спасибо, что спасли старые спины от таскания меш-

ков с песком.

Леа проводила троицу к остальным. И позвала с собой Николая, Андрея и Аккихиро.

– Теперь ваша очередь, молодое поколение! – закричал им вслед Анри. – Но помните, вас позвали только затем, чтобы после вас рекламу средства от прыщей вставить.

– А для четвертого места хватит? – спросил Андрей.

– Да, конечно. Но учтите, время ограничено, и каждому в итоге придется рассказать свою историю немного короче.

– Сандр, идем с нами! – крикнул Аккихиро.

Сандр улыбнулся и побежал к группе интервьюируемых.

Новая группа зашла в помещение, и Николай тут же начал хохотать как сумасшедший.

– Что, вы с Анри вместе вчера смотрели один фильм? – грозно спросила Леа.

Николай тут же прекратил смех на выдохе и скромно сел с краю на спинку дивана.

– Располагайтесь поудобнее. Первая тройка удивила меня тем, что они так или иначе все были связаны. Вы были знакомы до прихода сюда? Или, может, впоследствии спустя время выяснились связи, о которых вы не знали. Общие знакомые, например.

– Нет, у нас такого точно нет, к сожалению. Мы подружались здесь, – ответил Андрей.

– Ну, может, мы и пересекались в какой-нибудь ММО РПГ, но точно не были в одном клане, – добавил Аккихиро.

– А я вообще только сегодня приехал, – сказал Сандр.

– И каково твое первое впечатление? – спросила Леа.

– Я, честно говоря, шокирован тем, что происходит. Я не трус, поверьте, я служил на очень неблагополучном направлении нашей границы. У меня не случится истерики, когда засвистят пули над головой. Я в шоке от того, что происходит. Заповеднику грозит уничтожение, мы не просим ни у кого помощи. Где морские котики США и бомбардировщики НАТО?

– Что им здесь, по-твоему, делать? – спросил Николай.

– Здесь нефти нет, – добавил Аккихиро, и они ударили кулак в кулак с Николаем, сказав одновременно: «Аминь, брат».

– Но почему Нил вообще ни у кого помощи не просит? Может, чье-то посольство пригрозит здешним властям, и они не будут связываться с этим маньяком. Почему вы не обратитесь к своим властям? Нефти здесь нет и, как вы сказали, помощи НАТО не будет. Так почему бы не попросить помощи у ваших правительств.

– У Японии только силы самообороны, – быстро ответил Акки.

– Сандр, я тебя прекрасно понимаю. Твое недовольство – правильная реакция. Но дело в том, что нам кроме себя надеяться сейчас не на кого. Эта страна и так под всеми возможными санкциями. Местным генералам плевать, они торгуют алмазами на черном рынке и живут припеваючи. Никто

не пришлет армию на спасение носорога. Тем более последнего, – высказался Андрей.

– Друзья, я все прекрасно понимаю, но мы не политическое шоу снимаем. Мне интересно, как вы сюда попали и какие ваши мотивации, – прервала полемику Леа. – У нас мало времени, еще я очень хотела поговорить с Дубакой и его людьми. Андрей, давайте с вас начнем.

– Я родом с юга России. Вернувшись из срочной службы, долго работал на стройке, зарабатывал где-то от двенадцати до пятнадцати долларов за выход. Узнал об этой организации из Интернета. А так как я рос в сельской местности и у нас был только один или в хорошую погоду два федеральных канала по телику... Я рос на документалках Дэвида Аттенборо, которые показывали в воскресенье, одиссеях Кусто и передачах «В мире животных» лучшего человека из тех, кого я знаю, – Николая Николаевича Дроздова. Он же, кстати, был голосом дубляжа Дэвида. Поэтому, когда я узнал, что за работу по защите животных платят больше, чем за мои походы, я сказал себе: «Андрюша, ты идешь куда-то не туда». Занял денег на дорогу и приехал прямо сюда на собеседование к Нилу. Тяжело было с английским, но когда тебе некуда деваться, то он очень быстро учится. Это куда быстрее, чем любые курсы.

– Аккихиро, я верно выговорила? Заранее простите, если ошиблась. Каков ваш путь? – спросила Леа.

– У меня все просто, я очень не хотел перенимать бизнес

отца и просто сбежал.

– Да, Акки у нас золотая молодежь, – вставил свои Николай.

– Сейчас уже нет, отец лишил меня наследства. Теперь моя младшая сестра во всем разбирается и готовится принять управление в свои руки. Ей нравится, и это хорошо. Тем более она любит меня и сказала, что в случае чего все равно потратит сколько угодно денег, чтобы вытащить меня из любой задницы. Это всегда меня смешило. – Акки замолчал, отвел взгляд в сторону. – Она даже не представляет, в какой я сейчас заднице. Я много путешествовал. Когда я сюда попал, мне нужны были приключения. И лишь спустя время не без помощи Нила я понял, что я здесь занимаюсь чем-то большим, чем просто неповиновением отцу.

– Николай, какова ваша история?

– Я учился в военном вузе. И когда все шло к выпуску, я понял, что не хочу строить военную карьеру в своей стране. Хотел устроиться работать в ЧВК. Поехал сдавать экзамены, мне немного не хватило, и мне предложили поехать сюда. И после испытательного срока я должен был с рекомендацией Нила поехать пробовать снова. Когда время пришло, я никуда уже не собирался.

– Странно, Нил говорил, что вы вместе приехали.

– Да, мы приехали с Аккихиро в один день, а Николай днем ранее. Почти в одно время, но разными путями, – ответил Андрей.

– А как вы для себя объясняете то, что вы единственные из новеньких задержались здесь надолго?

– Мы сразу стали друзьями. Помогали друг другу. Николай, например, помогал мне с языком, он переводил все, что от меня хотели. Из-за нашей круговой взаимопомощи нас ставили всегда вместе выполнять задачи. Нил очень помогал морально. Если у нас что-то не получалось, он всегда говорил, «не переживайте, я видел, что вы старались, а это главное». При этом он не был никогда классическим воякой. Мы можем отпускать шуточки в его сторону, и он никогда нас не наказывал за это.

– Спасибо вам, парни, что нашли в себе силы быть серьезными для нашего разговора. Мне хотелось успеть поговорить с Дубакой.

– А он уехал с парнями менять дозорных. Их еще в три часа должны были сменить. Они должны прибыть сюда, чтобы им объяснили, что происходит, – огорчил Лею Николай.

– Это очень плохо. Ведь хотела же его первым пригласить.

– Там еще много людей.

– Хорошо, пригласите еще. Пока время есть, необходимо собрать больше материала.

Укрепление загона для носорога длилось до поздней ночи. Леа воспользовалась тем, что никто не спал, и взяла интервью у всех, кроме Дубаки и его людей. Даже те, кого сменили с дозора, смогли выжать из себя пару слов, несмотря на то, что они сильно хотели спать.

С наступлением поздней ночи Нил отправил всех спать, оставив с собой Андрея, Аккихиро и Николая.

Сваха по ту сторону океана

Пакко зашел в барак, подошел к своей постели, поставил автомат на приклад у стены. Снял разгрузку, повесил ее на стул, стоящий спинкой к кровати. Снял бронежилет, положил его на подоконник. Сел на кровать, откинулся на спинку, но ноги в ботинках остались на полу. Ноутбук расположил на коленях. Пока вызов видеосвязи шел, он достал сигарету, прикурил ее и подвинул пепельницу, стоящую на прикроватной тумбочке, поближе.

– Привет, братишка, – раздалось из ноутбука. На него смотрел молодой человек, имеющий те же черты, что и он, но более молодые.

Пакко впервые за день искренне улыбнулся и расслабил плечи.

– Здравствуй, брат. Как мать? Как у вас дела? Рассказывай все, что у вас происходило за последние два дня.

– Мама чувствует себя хорошо. Вчера приходил наш новый доктор, сказал что боится не пережить ее. Молодой умный парень всех покорил. Девушки только и обсуждают, какой он красавчик, старикам одно общение с ним жизнь продлевает. А ведь мог остаться в Штатах и не ехать обратно на родину. Так он же еще и не из нашей деревни. Он городской. А приехал к нам, говорят, сам захотел.

– Вот молодец, побольше бы таких. Вам деньги, что я отправляю, приходят без проблем? Нигде ничего не оседает?

– Оседают, конечно. Но не наглеют, как раньше. Все же разговор с доном Пабло помог. Я, брат, твои деньги все храню и коплю, не трогаю. Нам с матерью хватает того, что я зарабатываю. Я не гуляю, экономлю. А ты приедешь, у тебя запас будет, дом построишь. Правда, Мария на меня обиделась, но это не беда.

– Что случилось, она такая хорошая девушка.

– Она обижена, что я не соглашаюсь на предложения дона Пабло зарабатывать настоящие деньги вместо стрижки газона и ухода за его садом. Она считает, что нужно заработать у него быстро и уехать в Америку. Пойти в колледж.

– Она просто хочет хорошей жизни, в этом нет ничего плохого. Но хорошей жизни можно достичь и другим путем. Не стоит связываться с этими деньгами, они грязные, они столько жизней сгубили.

– Я ей то же самое говорю. Она считает, что немного можно, чтобы уехать потом. Да пусть обижается, глупая баба.

– Брат, послушай, не руби концы. Она права в своих стремлениях, неправа лишь в методах. Расскажи ей про меня, что не получится недолго быть в этом деле. Что этот мир не отпустит так легко. И сегодня же возьми из денег, которые я присылал. Сделай ей счастливый вечер. Сделай ее счастливой хоть на эту ночь. Она хорошая девочка. Не смей повторять мою жизнь без семьи и детей. Пообещай.

– Хорошо, брат, я сделаю, как ты просишь.

– Это очень для меня важно, не потеряй ее. А те деньги, что я слал, это не все мои деньги, я тут немного накопил. Пару месяцев, и я смогу вас переправить в Америку. Тебя, мать и Марию. Скажи им, лишь пусть потерпит немного. А потом мы все накопим одному из вас на колледж. Обязательно накопим, ты даже не сомневайся. Что еще нового в деревне?

– Любовь твоя, Эмилия, новые сплетни про тебя распускает. Пять лет прошло, а она все злится на тебя за то, что ты отказался от богатства и уважения здесь.

– Да она перед моим отъездом уже представляла себя женой наркобарона. Все бабы ей завидовали. Представляю, как она злилась на меня.

– И сейчас злится. Мою Марию бабы начали жалеть, а она не поймет. А вчера в мясной лавке она спросила прямо, в чем дело? Так они ей рассказали, что Эмилия пускала слухи о твоих размерах, и что если я твой брат, то и у меня неурожай.

– Пусть утешается глупая баба. Она никогда меня не любила. Она обратила на меня внимание, когда я вырвался из солдат. И дальше, чем я выше поднимался, тем она больше делала вид, что любит меня. Пусть болтает глупая баба.

– А я с тобой не соглашусь. Времени сколько прошло, а она так ни с кем и не сошлась. И не пускает близко никого.

– Это она мне больно делает. Знает же, что я буду вину чувствовать за ее одиночество.

– Это ты, брат, сильно завернул. Кстати, я теперь как ты.

У меня тоже свой заповедник.

– Это как?

– Ты же помнишь северный картель и то, что он под себя полстраны прибрал. Так вот их дон состарился и умер раньше нашего. И вот в знак уважения он в завещании указал всех главных мелких картелей. Наш когда у него в гостях был, хвалил его личный зоопарк. А тот возьми да и укажи, что после смерти отдать зоопарк главе нашего картеля. Он же после твоего отъезда совсем ослаб. Все решают его братья. Они, конечно, зоопарк как знак уважения приняли, да вот только что с ним делать – понятия не имеют. Повесили все на меня. У меня даже носорог есть, такой как ты мне фото присылал. Сейчас камеру переключу, покажу тебе. – Он переключил камеру с фронтальной на основную, пару секунд показал носорога. Затем начал медленно вращать камеру, показывая, как он вокруг все благоустроил.

– Так, братец, ты это, ты сейчас не шутишь? – сонливость вмиг отступила от Пакко.

– Нет, с чего бы мне тебя обманывать? Вот, посмотри, какие статуи привезли из мрамора, не из алебаstra, – хвалился не тем брат.

– Да к черту твои статуи, покажи мне носорога! – не сдерживаясь, закричал в трубку Пакко.

– Да тише ты, иду я, иду. Вот уж нервный стал, совсем одичал, – не понимал важности момента брат.

– Прости, просто это смерть как важно.

– Вот смотри, щас я свет включу, чтобы виднее было. Она просто в тени лежит, не очень видно, камера плохая.

– Она?!

– Да вроде. Я сам не разбираюсь. Мы тут с конюхом возимся, он сказал, это вроде кобыла, ну в смысле самка. Да где нужный тумблер. А, вот.

Свет включился, и Пакко не мог поверить своим глазам.

– Так, брат, держи камеру так и не шевелись, мне нужно кое-кого добавить в видеоконференцию.

Грудки долго шли, они прерывались, но Пакко настойчиво снова вызывал.

– Брат, это ж если у нас семь вчера, это значит, у вас 2 часа ночи. Может, человек спит.

– Она не здесь, она в Германии.

– Ну так все равно плюс-минус час разницы. Да и я не могу тут вечность стоять. У меня работа еще не закончилась. Да и телефон сейчас сядет.

– Пакко, что случилось? Я еле глаза открыла, – раздался голос доктора Эбель.

– Просто посмотрите внимательно на экран. Что вы видите? – дрожащим голосом произнес Пакко.

– Что? Это где? Это как?

– То есть я не ошибся, что вам позвонил.

– Видео нечеткое. А можно ближе посмотреть?

– Не-не-не. Я в клетку к этой красотке без конюха не полезу ни за что.

– Красотке? Это она?! Пакко, это розыгрыш?

– Если верить конюху, то нет.

– Так, все, друзья, три процента. Все, брат, удачи. Завтра созвонимся.

– Стой! Куда? Не отключай! – не успел Пакко крикнуть последнюю фразу, как связь с братом оборвалась.

– Вот же черт.

– Так, Пакко, успокойся. Мы видели размыто и неточно. Пол тоже неясен, конюху мы верить не можем при всем моем уважении. И самое главное, что в два часа ночи мы с тобой много не решим, так что ложись спать, – разобрала ситуацию доктор Эбель.

– Завтра может быть поздно.

– Это почему? Что с нашим носорогом?

– Вам что, Алим или Нил не рассказали, что у нас творится?

– Нет. Я сегодня вечером прилетела из Лондона и не проверяла ни звонков, ни почты. Вот я единственный раз в жизни хотела отдохнуть от работы и сразу конец света. Что у вас там творится?

– Если вкратце, то объявился маньяк, который готов заплатить десять миллионов за чучело нашего носорога. Нил с ним говорил и после его угрозы по штабу открыли огонь. Нил утверждает, что злодей отправится к местным властям с этими деньгами. И завтра здесь будет армия.

– А где сам носорог?

– Он здесь, в загоне, который мы как бункер укрепили. И завтра будем его оборонять.

– То есть он будет в замкнутом пространстве, когда вокруг будут стрелять? Он слишком стар для такого стресса. Разбуди мне Алима быстро.

– Бегу. Я перезвоню с телефона, как разбужу.

– Зарядить не забудь.

Пакко зашел к Алиму. Попытался его растолкать, но уставший за день Алим никак не реагировал. С шепота Пакко перешел почти на крик, но все, чего он добился, это то, что Алим перевернулся с одного бока на другой. Тогда Пакко позвонил по видеосвязи доктора и показал, что Алим никак не реагирует.

– Поднеси к его уху телефон, пожалуйста, – попросила доктор Эбель. – Алим, проснись, пожалуйста, ты мне очень нужен, – сказала она негромко спокойным, но серьезным тоном.

Алим открыл глаза и увидел перед лицом экран, на котором его начальница сидела за своим рабочим столом дома в Германии. Он молча встал, натянул брюки сел и начал обуваться.

– Seriously? – возмутился Пакко. – Я тут глотку чуть не сорвал.

– Я ничего не понимаю. Что сейчас происходит? Пакко, помоги мне дойти до лаборатории, я вколю себе адреналина

кубов двадцать.

– Он тебе не понадобится, – сказала ему доктор Эбель. – Есть кое-что, что тебя взбодрит. Возможно, мы чудом нашли девочку.

– А я-то здесь при чем, – съязвил Алим. – Вы же знаете, это не по моей части.

– Алим, очнись, мы, возможно, нашли самку для нашего носорога! – радостно, не свойственно для нее крикнула доктор.

– Что?! – глаза Алима расширились.

– Судя по тому, что я видела, это очень возможно, процентов семьдесят.

– Где? – спросил Алим так, как будто уже готов отправиться за ней.

– Где-то в центральной Америке, – ответила доктор.

– Что? – удивился Алим.

– Так, эта череда удивленных вопросов будет длиться вечно. Пакко, ты как себя чувствуешь? Сможешь помочь Алиму выполнить мое поручение?

– Я, честно говоря, валюсь с ног как пьяный. Спать хочу сильно. Там ребята помоложе в дозоре, может, кого из них попросить.

– Да, конечно, идите спать, завтра нужна будет связь с вашим братом, я надеюсь, ваш и его телефон будут заряжены.

– Хорошо. Завтра, точнее уже сегодня, я вас не подведу. А сейчас хочу поспать хоть пять часов.

Пакко прервал вызов и пошел к себе. Алим взял свой телефон, вызвал доктора Эбель и пошел «с ней» в штаб. По пути она объяснила, что сейчас нужно сделать.

– Так может, это завтра сделать? – спросил Алим.

– Ты можешь мне обещать, что завтра будет не поздно?

Когда эти уроды нападут. И будет ли возможность сделать в поле все качественно. Вы же успокоили животное при транспортировке.

– Да, он уснул после прибытия и во время укрепления спал.

– Значит, у него сейчас немного сбиты биочасы. Он будет сейчас еще активен.

– Мы же отправляли в институт этот материал. Почему нельзя взять оттуда?

– Я была там неделю назад. Эти криворукие испортили большую часть материала на ненужные анализы. Я должна была по приезду отправить им еще. Но теперь ситуация изменилась и времени нет. Наберите как можно больше материала.

– Хорошо. Ну все, мне понадобятся еще две руки. Процедуру я помню и в таком состоянии. Утром свяжемся, – хотел прервать связь Алим.

– Нет. Ты сейчас отдашь телефон Нилу, мне нужно с ним поговорить, а сам возьмешь себе помощника и пойдешь выполнять мое поручение.

– А, ну если так, то хорошо.

Алим вошел в штаб и поднялся по лестнице до самого выхода на крышу. Там в четыре стороны света наблюдали Николай, Аккихиро, Андрей и Сандр. Нил сидел на стуле посередине у выхода на крышу.

– Я не знаю пароля, мне можно выйти к вам? – проявил осторожность Алим.

– Да заходи, мы видели, что это ты идешь, – ответил Нил.

Алим показал всем развернутый к ним экраном телефон.

– Поздоровайтесь с доктором Эбель. У нее для вас новость. Все поздоровались, и Алим передал телефон Нилу.

– Нил, мне нужен один человек помочь выполнить поручение доктора Эбель.

– Бери любого, – ответил Нил.

– Хорошо, кто со мной? – спросил Алим.

Вдруг Андрей и Аккихиро как с цепи сорвались к Алим. Но Андрей коснулся плеча Алима первый, на что Акки развел руками и сказал:

– Ну ладно, разнообразие этой ночи достанется тебе.

Алим отдал телефон Нилу, и они с Андреем ушли вниз.

– Нил, мне рассказали вашу ситуацию. Я обеспокоена тем, что носорог будет в замкнутом пространстве. Я так понимаю, он был почти усыплен при транспортировке на базу? И в таком возрасте его нельзя усыпить завтра на время боя. Он такой частоты может не перенести. Может, вы его спрячете ночью? Уведете в саванну, на такой площади они долго будут искать. А может, просто сломают зубы о вас и уйдут вовсе.

– Да, вы правы, я поспешил с приказом привезти его сюда. Но в поле нам было бы сложнее его защитить. А обмануть их у нас не получится. Они прямо сейчас за нами наблюдают со всех возможных направлений. Их уже много. Андрей звонил знакомому таксисту в городе. Тот сообщил, что в течение недели туда стягивались подозрительные люди. И сегодня днем они отправились на машинах сюда. Завтра их будет еще больше. Возможно, местные генералы присоединятся.

– Я вас поняла. Тогда необходимо максимально успокоить животное. Оградить от шума.

– Есть носорожки беруши?

– Да можно просто набить в уши ваты. Главное, чтобы носорог не впал в отчаяние от замкнутого пространства и не вырвался на свободу.

– У меня есть хорошие беспроводные наушники, – вмешался в разговор Аккихиро.

– А я знаю один классный трек группы «Тото», – добавил Николай.

– Хорошо, – смеясь согласилась Вилда. – Все, сил больше нет. Нужно поспать хотя бы четыре часа. Нил, что делать со своими людьми, я вам не советчик. Я лишь могу выразить огромную благодарность за ваше дело. Вы все герои, которых эта планета не заслуживает. Одно прошу, когда будет очень опасно, Алим должен быть максимально далеко. Он упрямый и будет хвататься за оружие. Но вы его не слушайте, он не солдат. Я очень боюсь за него.

– Я обещаю вам он, останется цел и невредим, – успокоил Вилду Нил.

– Спасибо вам, Нил, за все, – словно прощаясь, сказала Вилда.

– Я делаю все, что в моих силах.

– И этого уже очень много. А, и еще когда Алим вернется, пусть позвонит мне завтра утром и расскажет об успехах.

– Хорошо, спокойно ночи, Вилда.

– И вам всем спокойной ночи. – Доктор Эбель прекратила видеосвязь.

Прошло около часа, прежде чем Алим и Андрей вернулись. Поднявшись наверх, Андрей молча встал на свое направление дозора. Алим подошел к Нилу, тот отдал ему телефон, передал все, что просила доктор Эбель.

– Ну что, развеялся? – спросил Андрея Аккихиро.

– Я чувствую себя использованным. Возможно, мне понадобится психолог, – ответил Андрей.

– Не расстраивайся, ты помог в очень важном деле, – смеясь, похвалил Андрея Алим и спустился по лестнице.

Он шел от штаба, набирая сообщение для доктора Эбель, как вдруг услышал сумасшедший хохот, доносившийся с крыши штаба и, возможно, слышимый далеко вокруг.

Нил прекратил смеяться, глубоко погрузился в свои мысли. Он слышал бурные обсуждения своих подчиненных, но не слушал их. После пяти минут в таком состоянии он встал и молча пошел вниз.

– Командор, вы куда? – спросил его Николай.

– Я в туалет, – отделавшись от Николая, сказал Нил.

Нил зашел в свой кабинет, сел за стол. Из нижнего ящика стола взял стакан и наполовину выпитую бутылку виски. Налил себе меньше половины стакана и тут же разом его выпил. Немного скорчился, выдохнул и повторил. Поставил бутылку обратно в ящик. Долго пристально смотрел на свою кисть руки с расправленными пальцами.

– Наконец-то перестала дрожать, – сказал Нил, несколько раз сжимая и разжимая кулак.

Нил встал, пошел в угол кабинета, где на полу были разложены комплектующие взрывного устройства, которое принес Отто. Снял с вешалки старую санитарную сумку, вытряхнул в урну из нее оставшиеся бинты и медикаменты, которые давно пора было выкинуть.

– Так, завтра этому здесь находиться опасно, – сказал сам себе Нил, сел на колени и начал аккуратно складывать составляющие взрывчатки в сумку.

Выйдя из штаба, Нил накинул сумку на плечо и прошел в свете фонаря. С крыши Николай в прицел СВД заметил красный крест на сумке и не смог упустить возможность ляпнуть:

– Ого, командор, это столько медикаментов вам нужно в вашем возрасте, чтобы снять воспаление простаты?

Нил рассмеялся, остановился и крикнул ему в ответ:

– Ужасная шутка. Я верю в тебя, ты можешь лучше.

Нил шел в темноте и сказал себе вполголоса:

– Ты делаешь это для того, чтобы эти ужасные шутки звучали здесь еще очень долго.

Солнце взошло, и база защитников заповедника ожила. Нил собрал всех у штаба.

– Доброе утро. Я сейчас разговаривал с главой нашей частной военной компании. Он приказал мне взять деньги и отдать носорога. Он сообщил, что наш враг договорился с местными властями. И если мы будем оказывать сопротивление, то ЧВК оборвет все связи с нами и мы будем вне закона. Помощи просить не у кого. Анри, ты связался с генералом Бертино?

– Да, сегодня наконец удалось. Этот старый хрен в отпуске. Советовал бросать все и отступать. Помочь он ничем не может.

– Ну, впрочем, я так и думал, – не удивился Нил.

Вдруг у Андрея зазвонил телефон. Всех порадовала песня «Edwin Starr – War» на звонке. Он поднял телефон экраном к Нилу и сказал:

– Разведка звонит.

– Возьми трубку.

Андрей взял трубку, внимательно все выслушал, поблагодарил и прекратил разговор.

– В город приехали военные грузовики, говорит, уже боль-

ше двух десятков. Солдаты уже грузятся. По городу пустили информацию, что все желающие, имеющие оружие, могут присоединиться. Платят десять тонн за голову одного из нас. Общее выступление назначали в десять часов до полудня.

– Примерно через час будут у нас, – прикинул Отто.

– Алим, тебе нужна помощь в сборе научных трудов, которые необходимо спасти? – спросил Нил.

– Нет, они все на облаке. А вот оборудование из лаборатории нужно. Оно просто составляет две трети стоимости всей лаборатории. Вот его очень важно спасти. Еще мне нужна помощь Андрея еще раз повторить вчерашнюю процедуру.

– Нет, ну почему я? – завыл Андрей. – Я не спал сутки.

– Тебе не нужно второй раз объяснять процедуру и ее важность. Пойдем, самая быстрая рука на диком Западе. На этот раз мы быстро все сделаем, и пойдешь поспишь немного.

– Да, Андрей, ты уже знаешь, что к чему. Быстрее справишься – больше будет времени на отдых, – подбодрил, еле сдерживая смех, Нил.

Андрей встал, демонстративно склонил голову и пошел за Алимом, волоча свой АК прикладом по земле, держа его за ствол.

– Николай, Аккихиро, вы после дежурства идите немного поспите, пока есть время. Вас разбудят. Когда все начнется, вы должны быть со мной на крыше штаба. Сандр, ты пока останься, для тебя будет особое задание. Леа, ваша группа должна собрать все оборудование и к десяти часам быть го-

товыми к отправке. Ваша группа и Алим отправятся к племени, которое живет на территории заповедника. Не переживайте, они не людоеды и вас не обидят. Зеленые бумажки им даже подтираться не нужны, поэтому можете не переживать, они вас не выдадут.

Леа только расправила плечи и хотела что-то возразить, но Нил не дал ей сказать, продолжив говорить в еще более приказном тоне:

– Это обсуждению не подлежит, если необходимо, будет применена сила. Сандр, ты должен их отвезти. Алим знает дорогу к племени. Также я хотел бы обратиться ко всем остальным. Машина отправится ровно в десять. Объяснять, почему вы решили в нее сесть, не надо. Никто из тех, кто останется после десяти часов на территории этой базы, не будет вас осуждать. Время подумать есть. Пакко, ты звонил брату?

– Нет. Там сейчас ночь. Он, похоже, не понял серьезности того, что он показал.

– Тогда ты поможешь Алиму погрузить оборудование лаборатории и, когда Алим свяжется с доктором Эбель, сообщишь ей все возможные контакты и способы связи с твоим братом.

– Хорошо, – ответил Пакко.

– Тогда расходимся по задачам.

Все молча пошли в разные стороны. Ни лая, ни воя. Только усталость.

– Нил, как поступить с дозором? Вызвать их сюда? – спросил оставшийся с Нилом Отто.

– Нет. Пусть продолжают дозор, пока их не придут менять. Мы не можем бросать заповедник без охраны полностью. Если всякие уроды захотят воспользоваться тем, что нас отвлекли, кто-то должен дать им отпор или хотя бы спугнуть.

– А если их некому будет сменять? – не успокаивался Отто. – Нил, я хочу сказать, что мне страшно. И у меня такое ощущение, что все вокруг не понимают серьезности происходящего. Андрей только что сказал о двадцати грузовиках и даже бровью не повел. Ты прекрасный лидер, и у тебя божий дар внушить уверенность своим людям. Но как друг я хочу уберечь тебя от ответственности за их гибель. Не перебивай и выслушай меня. Нил, прикинь, пожалуйста, сколько человек они привезут на двадцати грузовиках? А я уже прикинул, не сложно посчитать, двадцать умножить на примерно двадцать пять. Нил, к нам едет батальон, не меньше. Ты знаешь, что такое батальон, тебе не нужно объяснять, что пятнадцать человек не смогут остановить такую толпу. Пусть даже они все будут стрелять как имперские штурмовики, нас это не спасет. Это не шайка браконьеров, которая всегда бежит. Потому что они ехали на сафари и не ожидали, что по ним будут стрелять в ответ. Эти люди имеют цель принести своим хозяевам как можно больше наших голов. Ты всем предлагаешь подумать до десяти часов. А я прошу тебя отвлечься

и подумать самому. Задай себе вопрос. Сколько не последних людей ты готов отдать за жизнь последнего носорога?

– Отто, друг. Мне приятно видеть, что время и общение с Андреем, Акки и Николаем вернули тебе вкус к жизни. И ты уже не тот Отто, который рвался грызть глотки за убитого слона. На твой вопрос я могу ответить лишь то, что я могу заплатить сегодня одной жизнью. Остальные имеют право не оставаться со мной.

– Что ты несешь, старый? Я вчера дал себе слово отомстить уроду, который решил убить слона, чтобы доставить нам сообщение. В век интернета он решил не отправлять имейл, а поиграть в мафиози. И ты мне только что подсказал, как я это сделаю. И я точно сегодня останусь с тобой. Я тебе говорю о том, что люди ослеплены твоей уверенностью. Они не понимают, что умрут сегодня. И виновен в их смерти будешь ты. Поэтому я предлагаю всех отправить и остаться вдвоем. Исход будет тот же. Но счет будет меньше.

– Отто, ты остаешься из-за моих лидерских качеств? Или потому что я внушаю отвагу в твое сердце?

– Нет, я остаюсь, потому что не могу жемчужину нашего заповедника отдать без боя.

– Тогда почему ты не веришь в людей, которые тебя окружают? Они имеют много причин уйти, и возможность есть. Но также они имеют право остаться. Я обещаю тебе, что поговорю со всеми еще раз в половину десятого. И помогу уговорить как можно больше людей уехать. А сейчас послушай,

как я предлагаю нам победить.

С каждым часом духота нарастала. Стрелка часов, словно плеть, подгоняла рыцарей ордена носорога. Вчера никто и подумать не мог, что на них спустят с цепи армию. Леа, молчаливая и хмурая, склонив голову, носила оборудование к машине. Кузов заполнялся оборудованием в собранном состоянии. И с каждым новым осветительным прибором казалось, что место закончится, но кузов грузовика проглатывал все раз за разом, пока последняя сумка не уместилась в него. Ей было стыдно оттого, что она не может остаться. И как на зло, причина того, что она не должна участвовать в генеральном сражении, не просто отговорка патриархального строя, а очень важная необходимость. Кто-то должен рассказать всем о том, что здесь произошло. Кто-то посторонний. Тот, кому поверят или назовут лжецом, но не пройдут мимо. Она предвкушала, с каким ярким и горячим материалом она вернется домой. Но впервые это не доставляла ей никакого удовольствия. Ван Пелт, значит. Любишь «Джуманджи»? Кто ты и откуда? Я найду твою настоящую жизнь. Имя, работу, семью – все найду. Обращу в реальность для тебя жизнь сон, в котором оказываешься голым посреди осуждающей толпы. Ты от меня не скроешься.

Алим вернулся с Андреем после процедуры. Андрей был подавлен, на его плечах лежали двадцать пять часов без сна. На его изможденном лице, словно трещина по бетону, нарисовалась улыбка. Он попросил у Алима сосуд Дьюара. На со-

суде было две наклейки, одну Алим заполнил, вторая, для дополнительной информации, была пуста. Андрей беспардонно, не боясь случайно прикоснуться к груди Леи, достал из ее кармана ручку. И, вырисовывая крупно и жирно, написал с ошибкой надпись «хенд мейд» и свою роспись. Затем постоял, зажал криососуд между ног, отчего Алим невольно дернулся, но осекся, не стал его прерывать. Было интересно, что он там написал. Андрей тщательно закрашивал подушечку большого пальца на руке. Зажал ручку в зубах взял в чистую руку сосуд, затем прижал к нему закрашенный палец так сильно, что тот побледнел. Подержал немного и отпустил. Оценивающе взглянул на свой след в истории. Стал напевать вполголоса знакомый всем мотив из детства и, перейдя на полный голос, продемонстрировал криососуд, вытянув руки прямо перед собой. Мотив из «Короля Льва» подхватил Алим, с ним и все остальные. До всех остальных потихоньку доходил смысл надписи, и в пении нарастал смех, пока хохот не заглушил песню окончательно. Пакко упал на колени в слезах. Он стал задыхаться. Леа впервые смеялась громко, не стесняясь своего смеха, который походил на страдания тюленя. Оператор успокаивался, но, услышав смех Леи, закатился снова. Возможно, он слышал его впервые. Андрей смотрел на всех и наслаждался тем, что мог всех рассмешить. Ком подступил к его горлу. Не тот ком, который подступает в моменты грусти, тяжелый и вязкий. Этот ком был легкий и воздушный, он задерживает собственный смех, давая насла-

диться смехом окружающих. Он, словно гелий, делает голос чуть выше. Его не хочется сглатывать.

– Ты хоть в перчатках был? – сквозь смех спросил Пакко.

– Нет, конечно! Я хотел, чтобы он чувствовал тепло моих рук, – ответил Андрей и бросился к Пакко, стоящему на коленях, но все равно одного с ним роста. И начал лапать его лицо, шею, руки по локоть, все, что не скрыто одеждой, должно было быть тронут. Пакко рухнул на землю. Сил из-за смеха на сопротивление не было, он мог лишь дергаться. Этот веселый беззаботный сон продлился две минуты, и пора было возвращаться в колючие объятия реальности. Сон был сладок, в нем была лишь шутка и не было злых людей, которым, сука, мирно не живется. Андрей помог Пакко встать, отряхнул его заботливо, но сильно, по-отцовски. Пакко только хотел обратиться к Алиму, как у того зазвонил телефон. Это была доктор Вилда Эбель.

– Алим, ну что у вас там? Вы собрали материал? – спросила она не с ходу.

– Да. Этого должно быть достаточно, – ответил Алим.

– Вилда, это Пакко, здравствуйте, – влез он в разговор. – Хорошо, что вы уже проснулись. Сейчас брат спит, скорее всего. Я вам отправил на почту все его контакты от почты электронной до скайпа и адрес физический, на всякий случай.

– Хорошо, спасибо. Я свяжусь с ним. Главное, чтобы теперь это был именно этот подвид и не близкий родственник.

Не будем спешить с выводами.

– Тут еще вот в чем проблема. Это зоопарк главы картеля. Он уже стар и всем руководят его младшие братья. Они уроды и могут попросить большие деньги за носорога, если вдруг узнают, что она из вымирающего вида. На этот случай я вам по почте отправил несколько видеофайлов. Вы просто им скажите, что Пакко рассказал мне про Пабло. И если они не отдадут носорога, вы отправите эти файлы всем телеканалам мира.

– Звучит страшно и ненадежно, – насторожилась Вилда. – Им не проще будет меня убить?

– Не переживайте. Если бы я сомневался в этом, я бы и не подумал вас так подставлять. Эти файлы никак не вредят бизнесу картеля. Поэтому у них не получится объяснить, почему им срочно нужно убить доктора из Германии. Эти файлы лишь короткие фильмы о слабостях младших братьев в лице одного очень красивого парнишки по имени Пабло. Им проще будет откупиться носорогом, лишь бы вы это удалили. Но этот план крайность. Я уверен, они не упустят возможность побыть святыми. Все, у кого сгубленные жизни поставлены на конвейер, не упускают возможность проявить милосердие напоказ.

– Хорошо, если понадобится, я сделаю, – уверенно ответила доктор.

– Смотрите, что Андрей написал, – Алим показал Вилде криососуд.

Из телефона понесся звонкий смех.

– Что за вздор! Там же руками делать ничего толком не нужно.

– Как это не нужно? – наигранно неестественно удивился Андрей.

– Алим, ты что? Ты заставил его сделать это руками? – смеясь, но с осуждением спросила Вилда.

– Нет конечно! Это он шутит.

– Вас попробуй пойми, где вы шутите, а где серьезны, – сказала Вилда.

Время пришло. У всех на телефонах сработал будильник. Все необходимое было погружено и ждало отправки.

– Вот и десять часов настали.

Враг готов

Ван Пелт вышел из гостевого домика на вилле генерала Зума. Вокруг творилась суеда, личная охрана готовилась к теперь уже редкой вылазке генерала с территории своего особняка. Ван Пелт выполнил короткую разминку, похрустев суставами, надел шляпу из пробкового дерева и пошагал к генералу, который наблюдал беспорядочное движение своих людей с крыльца.

– Доброе утро, генерал. Я чувствую, что не прогадал, обратившись к вам, – сказал Ван Пелт, указывая на солдат, устанавливающих крупнокалиберный пулемет на грузовик.

– Доброе утро. Я вас уверяю, вы не пожалеете ни об одном

долларе, потраченном на наши услуги. Мы могли бы взять и минометы, но вы просили не навредить добыче.

– Я, признаться честно, рад тому, что люди из заповедника неподкупны. Такое свойственно людям обеспеченным, что о них сказать нельзя. Они больше походят на религиозных фанатиков. Берегут свое священное животное. Как вы считаете, генерал? – попытался порассуждать о высоком Ван Пелт.

– Я считаю только деньги, что вы мне обещали. А то, что в головах без пяти минут мертвецов, мне не интересно. Я верю в одну святыню, – генерал достал из кармана бумажник и потряс им у уха, изображая звон монет.

– Вы первый человек в моей жизни, кто честно говорит об этом. Люди обычно стесняются любви к деньгам. Я их тоже любил. Не будь этой любви, я бы не поднял свой бизнес на этот уровень.

– Любил? – спросил генерал. – А сейчас не любите?

– Нет, уже нет. Черт возьми, я трачу на сафари десять миллионов, – засмеялся Ван Пелт.

– Ну, не будь у вас таких денег, вы бы не смогли организовать это сафари. Мы же любим аттракцион, а не билет на него. Я тоже, следуя вашей логике, не люблю деньги. Я не собираюсь в них, как тот старый селезень, нырять и плавать. Я собираюсь провести безбедную старость в Европе.

– Да, вы сейчас очень точно меня остудили. Я ведь просто разлюбил популярные аттракционы вроде романов с мо-

делями и дорогих автомобилей. И нашел другой аттракцион, на который просто не было очереди.

– Как хорошо, что вы выбрали именно мой парк аттракционов.

Мимо пробежал офицер, и генерал стал на него кричать. Ван Пелт не понял ни слова, но понял безошибочно, о чем была речь.

– Как же вы будете безбедно жить в Европе без возможности управлять людьми? – попытался нащупать что-то Ван Пелт.

– Я вам признаюсь, я ненавижу командовать людьми, и людей я ненавижу, тем более военных. Все, чего я хочу, это сидеть у себя дома, читать книги, смотреть фильмы, есть вкусную еду. И самое главное, ни с кем не встречаться.

– Как же вы стали генералом? – удивился Ван Пелт.

– Мой отец очень удачно справлялся со своими отцовскими задачами. Он был мелким чиновником. Когда была возможность отправить меня в Россию учиться на военного, он смог отправить меня с первой партией детей чиновников постарше. Кстати, все те, кто из них еще живы, сейчас генералы или владельцы алмазных шахт. Хотя мы были очень плохо подготовлены. Нас не готовили так же, как готовили советских офицеров. Но когда мы вернулись, оказалось, что мы самые профессиональные военные в своей стране. И генералом я стал в 37 лет, не делая для этого ничего другого, кроме того что тыкал своим образованием направо и налево. И

этого было достаточно. Сейчас все сложнее, но из-за того, что мы были первыми, нам было легче. Я вообще лентяй по своей натуре и всегда мечтал ничего не делать и жить припеваючи. А мой отец сделал из меня генерала. Не сказать, что я сейчас сильно напряжен. Но если мне удастся избавиться и от этого, то я буду счастлив. Ваши деньги подарят мне возможность провести старость в ленивом благополучии.

– Мне вас понять сложно. Я не могу и дня просидеть на одном месте. Мне сразу кажется, что я не успеваю. Куда, мне не ясно, но нужно срочно что-то делать, чтобы успеть.

На рацию генерала доложили о прибытии людей, которые говорили, что они к Ван Пелту. Генерал спросил у него, и он подтвердил, что ждет их. Во двор въехал автомобиль, и из него вышли два молодых человека, одетые на манер офицеров армии Юга времен гражданской войны в США. Генерал удивленно посмотрел на них, затем на Ван Пелта и его пробковую шляпу и сказал:

– Это точно к вам.

– Генералы Ли и Купер, рад вас приветствовать.

– Здорова, Ван Пелт, – ответил тот, что повыше.

– Не буду мешать вашему маскараду, пойду проверю, как идет подготовка, – сказал генерал и пошел к столику в беседе налить себе виски.

Троица проводила его взглядом. Тот, что пониже, спросил Ван Пелта:

– Как ты можешь полагаться на этого типа?

– Я и не полагаюсь на него. Он нужен только для отвлечения и траты вражеских пуль не на нас. Ваши люди прибыли?

– Да. Восемь человек, все Ирак, Афганистан, и не по разу. Хорошие бойцы.

– Ну вот на ваш костяк я и опираюсь.

– А если генерал справится и не потеряет достаточно людей, чтобы мы потом могли с ними разделаться?

– Ты ослеплен мстостью за отца и считаешь, что люди в заповеднике трусы и умеют убивать только исподтишка. Но я общался с ними, и я тебя уверяю, что генерал и его батальон не ровня этим людям. Вам самим после генерала придется изрядно попотеть.

– Я в это слабо верю, – возразил техасец повыше. – Я собрал всю информацию о них, и там кроме старика-ирландца воевать некому. Да и старик в первую очередь все же старик. Но если генерал справится и ему все же придется заплатить, мы не против, мы здесь не за деньгами. И своим людям нам есть чем заплатить.

– Это хорошо. Но я готов покрыть все ваши расходы при любом исходе. И генерала уже кидать не хочу, он мне понравился. Такой честный и открытый мерзавец, такие сейчас редкость, хотелось бы сохранить этот вид.

Офицер подбежал к генералу Зуму и доложил о готовности людей здесь на вилле и в городе. Генерал встал, махнул своим гостям, и они пошли к машине. Ван Пелт остановился, вдохнул поглубже полной грудью, широко улыбнулся и

сказал:

– Фермопилы начинаются.

– Да садись ты в машину уже! – поторопил его один из техасцев.

Ворота виллы открылись, и колона выехала на встречу с силами в городе.

Воспоминания о славных днях

Солнце всходило за спиной лежащего в дозорном гнезде Дубаки. Нил подал сигнал уханьем совы и, подбежав к нему, рухнул рядом.

– Сколько? – спросил Нил.

– Трое, – ответил Дубака. – Час назад перебрались через ограду, знают, что на тропе, и ждут жертву. Опытные.

– Ну, мы тоже не вчерашние, – сказал Нил Дубаке и продолжил по рации: – Доложить о готовности.

– Я Знахарь, веду цель в панаме.

– Я Барон, веду цель у акации.

– Я Тингл, веду сущего кретина.

Дубака приказал своим людям дублировать в случае промаха. На секунду замолк и обратился к Нилу:

– А вот и жертвы.

– Кто? – спросил Нил.

– Семья жирафов. Кажется, это Томми и Глория, хотя не уверен, они еще далеко, не могу точно сказать.

– Значит, жирафов вам захотелось, суки! Господь про-

стит! – громко и четко произнес в рацию Нил.

Из рации хором донеслось «А я нет!», и спустя мгновение вся долина заполнилась коротким залпом выстрелов из различных видов стрелкового оружия. Результатом оказалась лежащая в крови панама, которую не на что было больше надеть, тело уже вдали от акации и бедолага в луже собственной урины.

– Знахарь, проверь, – скомандовал Нил.

Андрей поднялся из кустов, в которых был ближе всех к цели со своим АК. Аккуратно подошел к первому трупу, пнул его, затем поднял руку вверх с выставленным указательным пальцем. Затем ко второму, повторил процедуру, но уже показал два пальца. Подошел к третьему, замер в трех шагах от него. Выстрелил в него два раза и только после этого поднял руку так, чтобы ее видел Дубака в прицел, и оттопырил три пальца.

– Все мертвы, – доложил Нилу Дубака.

– Хорошо, – ответил Нил.

– Как думаешь, мы будем гореть в аду за это? – задал вопрос Нилу Дубака.

Нил удивился такому вопросу от человека, который до этого вопросов вообще не задавал. Но с ответом медлить не стал.

– Да. Мы убийцы. Убийство – смертный грех. За это мы будем вечность гореть в аду. Но признай, что их спасение, – Нил указал рукой в сторону, откуда шло семейство жира-

фов, – стоит того, чтобы кипеть в котле вечность.

– Хорошо, на это я согласен, – Дубака скомандовал своим людям встать и идти к Андрею.

Андрей тащил по земле, держа за руку, труп браконьера к грузовику. Боковое зрение уловило неподвижный силуэт. Андрей повернул голову, чтобы посмотреть, и увидел мальчика из местного племени. Мальчик смотрел на него пристально, но ни страха, ни отвращения при виде мертвого у него не было. Было только любопытство. Мальчик насмотрелся, увидел Нила и подошел к нему. Нил выслушал его и отправил обратно в деревню.

– Андрей, не хочешь со мной? – Нил позвал Андрея.

– Да, а что случилось?

– В деревню приехали антропологи. Нужно поехать поприветствовать их.

– А как же трупы?

– Дубака и его люди продолжают патруль, а мы отвезем трупы на базу, пересядем на транспорт, не залитый кровью, и поедем в деревню.

– Отличный план на вечер пятницы, старый развратник, – Андрей дружески ударил в плечо Нила, и они пошли к кабине грузовика.

Грузовик с Нилом и Андреем подъезжал к базе. Нила вызвал по рации Николай и доложил о том, что приехала группа антропологов и выдвинулась к деревне.

– Да что вы говорите! – ответил по рации Нил. – Встре-

чайте три тела.

– Принял, – ответил Николай.

Транспорт был сменен, и Андрей с Нилом уже подъезжали к поселению племени. Андрей заметил стоящий у обочины внедорожник.

– Поехали поинтересуемся, кто это? – сказал Нил.

Андрей свернул в направлении к внедорожнику. Выйдя из машины, они увидели, что это явно были не браконьеры, а скорее отставшая машина группы антропологов. Двое мужчин стояли в стороне и фотографировали все вокруг. Один высокий, седой, с дворянской осанкой, второй пониже его, в очках, с пышной бородой, худощавый, ну прям карикатурный профессор. Третий мужик, больше похожий на Нила и Андрея, менял колесо.

– Помощь нужна? – крикнул Андрей. Низкий, в очках и с бородой, обратил на него внимание.

– Уже нет. Если бы вы минут сорок назад проезжали, тогда бы я здесь столько времени не провозился, – ответил Андрею водитель.

– Здравствуйте, меня зовут Нил, это мой помощник Андрей, мы из охраны заповедника.

– Здравствуйте. Меня зовут Грем Нортон, это мой коллега Святослав Доброшевский, мы антропологи.

– Здравствуйте, Святослав Владимирович, – не скрывая радости, кинулся жать руки антропологам Андрей. – Я все ваши лекции в Интернете по несколько раз пересмотрел.

Андрей продолжал улаживать гостя лестью. Но так как это было на русском языке, Нил посмотрел на доктора Нортон, развел руками и сказал:

– Наверное, договариваются нас всех убить, если мы откажемся принять коммунизм, – договорив, Нил замер в ожидании реакции.

– Хм, смешно, – холодно ответил Грем. – Мы слышали о вас. Мы не будем мешать вашей работе, хоть я и не очень разделяю ваши взгляды на методы. Я надеюсь, вы не будете мешать нам.

– Это именно то, что я хотел обсудить. Как хорошо, что мы договорились.

– Нил, можно мы поедем на несколько часиков с ними? – взмолился как дитя Андрей. – Рации включены, если вдруг что, то мы тут как тут.

– Это не у меня нужно спрашивать, – намекнул на стоящего рядом профессора Нил.

– Мы не будем вам мешать, я просто хотел посмотреть на вашу работу.

– Да, конечно, – ответил Грем. – Тем более это ваша земля, как я могу вам отказать.

Приехав в деревню, доктор Нортон решил провести тест на выявление уровня интеллекта людей в племени. Доброшевский возмутился и говорил, что этот тест глупый и устаревший. На что Нортон отвечал ему, что другого теста он не знает. Суть теста заключалась в том, что люди должны

были взять листок и карандаши и нарисовать человека. Чем точнее и детальнее они это делают, тем выше считается их интеллект. Результаты были неувидительны – ножки, ручки, голова, не всегда круглая, это лучшие результаты.

– Вот видишь, Святослав, – обратился Нортон к коллеге, тряся стопкой размалеванных листков. – Улучшения нет. Здесь все так же, как и в прошлом году.

– Ни о чем это не говорит. Эти люди видят карандаши и бумагу раз в год. Вы посмотрите на условия вокруг. Это же саванна. Низкий интеллект здесь выжить не может. А давайте посоревнуемся, кто быстрее антилопу выследит? Вот тогда мы и посмотрим, кто умнее. Ведь интеллект – это такой же фактор успеха выживания в диких условиях, как сила, ловкость и выносливость.

– Но если силы и ловкости в достатке, то зачем ум? – задал вопрос Грем.

– В достатке, но все равно меньше, чем у льва, леопарда и гиен.

Спор длился долго. Андрей смотрел на то, как девочка лет семи просто наслаждается процессом того, как карандаш оставляет яркие следы на бумаге. У нее не взяли их за ненужностью доказывать, что ее интеллект развит. Что взять с ребенка?

Андрей взял несколько листков и карандаши. Подошел к ней, жестами наладил контакт. И начал рисовать. Коснулся пальцем ее носа, нарисовал его, указал на уши, нарисовал

их, следом глаза, волосы. Рисуя руки, обратил ее внимание на пальцы, постарался их прорисовать. Итогом был художественно некрасивый, но правильный в условиях теста рисунок. Андрей протянул ей чистый лист. Девочка начала повторять все то же самое. Тут же выяснилось, что глазомер у нее развит отлично, она хорошо выдерживала пропорции Андрея. Когда она закончила, перед Андреем предстал рисунок на порядок лучше его собственного. Он указал ей на спорящих ученых и то, что нужно показать им рисунок.

– Что это? Это как? – удивился Грем. – Это вы нарисовали? – он обратился к Андрею.

– Нет, это она. Мой вот он, – Андрей показал свой рисунок. – Я лишь объяснил, что от нее требуется.

– Это неправильно! – возразил Грем. – Вы вмешиваетесь в естественный ход вещей.

– Позвольте не согласиться, – вмешался Святослав. – Обмен опытом между людьми имеет место быть, это естественный процесс.

Спор перешел на повышенные тона. Нил попрощался со всеми, кроме спорящих, и позвал Андрея.

– Пойдем, здесь нам больше делать нечего. Я обещал не мешать им в обмен на то же самое. А ты в первые часы полез не в свое дело. И каково осознавать то, что девочка впервые взяла карандаши и нарисовала лучше тебя?

– Великолепное чувство гордости! – воодушевленно ответил Андрей. – Ученица превзошла учителя!

– За одно занятие! – подметил Нил.

– Это говорит лишь о том, что я гениальный учитель!

– Нет. Дело в том, что рисовать – это не по саванне с автоматом бегать. Для этого талант нужен.

– Ну и небольшой толчок обучения тоже необходим. Вот, кстати, может, научим местных обращаться с автоматами? Будет нам помощь.

– Глупостей не говори, – отсек Нил.

– А вот, кстати, слово «талант». Это же древняя мера золота. Наверное, талантами называли тех, за кого отдавали талант золота на невольничьем рынке. Как думаешь?

– Понятия не имею.

– Нужно будет отправить на форум «100 глупых вопросов ученому», вдруг ответят.

Нил ничего не ответил. Он погрузился глубоко в свои мысли и не слышал Андрея.

Бой

Крупнокалиберные пулеметы не умолкали и не давали поднять головы. Лишь в мгновения, когда у обоих пулеметов одновременно настаивал момент заряжания, защитники заповедника открывали плотный винтовочный огонь, останавливающий продвижение пехоты генерала Зума, которая медленно, словно плесень, от камня к камню приближалась в момент плотного огня пулеметов.

– Славные воины! – поливал сарказмом генерала Ван Пе-

лт.

– Получше будут ваших ковбоев, – отвечал генерал, указывая на стоявших в стороне братьев-техасцев и их парней.

Дубака и его люди пришли на фланг к нападающим. Они были на возвышенности, которая позволяла им вести снайперский огонь по противнику, который был как на ладони.

– Я же говорил, они в полной заднице без нас. Нужно накрыть пулемет залпом. Цельтесь не в стрелка, а в казенную часть пулемета. Стрелков много, пулеметов два. Приготовились, целься... огонь!

Первым же залпом стрелок был ранен в руку, и пара пуль угодила в затворный механизм пулемета, сделав его бесполезным. Не дожидаясь пока враг одумается, процедура была повторена. И вот уже оба пулемета замолкли. Дубака приказал открыть беглый огонь на усмотрение. В этот момент уже в самой ставке неприятеля стало небезопасно. Один из конфедератов был ранен в руку, несколько офицеров, приближенных к генералу, были убиты.

– Откуда огонь? – закричал маниакально взбудораженный опасностью Ван Пелт.

– На девять часов самая высокая точка, они там, – ответил ему не раненый техасец так, будто он контролирует ситуацию.

– Ну так, может быть, вы и ваши люди займутся делом наконец? – выразил недовольство Ван Пелт.

Конфедераты, используя дымовые гранаты, отступили,

сделали небольшой крюк и, используя рельеф местности, пошли на сближение с группой Дубаки. Офицеры генерала вели ответный огонь по высоте из снайперского оружия. Но так как они чувствовали себя не очень уверенно, им недоставало опыта снайперской дуэли, которую Дубака усвоил в борьбе с браконьерами. Позиция Дубаки с каждым часом усиливалась, так как он напал с запада, и закатное солнце могло превратить и без того выгодную позицию в беспроигрышную в снайперском противостоянии. Южане это знали, поэтому не тратили время на бессмысленную дуэль, в сближении они видели возможность.

После того как пулеметы замолкли, замок ордена носорога, над которым развевался флаг с изображением этого зверя, наспех нарисованного, открыл ответный огонь в полную силу. Но пехота генерала приблизилась слишком близко. Ответом был плотный огонь из ручных пулеметов и автоматов. Этот шквальный ветер из свинца сбивал дыхание замка.

Николай, успев выстрелять магазин своего СВД, принялся его перезаряжать. Руки тряслись и не слушались, переутомление давало о себе знать. Адреналин сдерживал сонливость, и разум его был ясен как никогда, но мышечное истощение не позволяло делать все быстро и четко.

– Андрюх, ты как? – крикнул он. К черту позывные! Сейчас очень нужен бодрый ответ Андрея, а не доклад Знахаря.

– Меня чуть оцарапало, но все хорошо! – прокричал в ответ Андрей. – Акки, ты как?

Акки не отвечал. Он не успел спрятаться, когда последовал ответ пехоты генерала. Пуля вошла в нижнюю челюсть сбоку и раздробила ее. Его глаза были наполнены агонией боли и страха, а руки прижимали остатки челюсти к лицу. Николай кинулся к нему. Концентрируясь на своих руках, он как будто усиливал сигнал спинного мозга на них. Лишь так ему удалось справиться со шприцем промедола. Адское пламя погасло в глазах Акки, и он потерял сознание. Николай старательно пытался остановить кровотечение, абсорбирующий порошок не помогал, а перевязочный комплект затруднял дыхание раненого. На помощь подполз Андрей, он помог наклонить и держать Акки лицом вниз, так что кровь не затекала в дыхательные пути. Андрей держал Акки, а Николай держал его челюсть, зажимая ранение и останавливая кровотечение.

Нил, увидев, что Акки серьезно ранен, мгновенно обмяк. Сил не хватало, чтобы подняться и продолжить бой. Но опыт помогал вытеснять мысли о Аккихиро мыслями о тех, кому сейчас тяжело без поддержки огнем с крыши штаба. Собрав все силы, он встал к рубежу и открыл огонь.

Пакко и Отто были этажом ниже. Они не подходили к окнам, а вели огонь, стоя спиной к стене, которая была довольно темной, и их не было видно с улицы.

Анри был в здании, использовавшемся в качестве небольшого склада. Это здание было ближе всего к противнику, и из-за не таких прочных стен, как у штаба, оно пострадало от

пулеметов сильнее. Все, кто с ним был, погибли или были серьезно ранены, он остался один на этом рубеже. Огонь по нему велся уже из укрытий на таком расстоянии, что он видел отчетливо лица и глаза стреляющих. И с каждой минутой эти злые рожи приближались. Анри не испытывал страха, он в этот момент был последним из первого пехотного егерского полка. Он громко пел «Марсельезу» и, когда пули попадали близко, кричал: «слово Камбронна». Его картечью стала брошенная в окно граната. Он даже не услышал, как она упала рядом, взрыв и все.

Увидев это, Пакко оперся спиной о стену позади и стек по ней на пол. Отто, наоборот, взревел от ярости и уже стоял в полный рост в окне, стреляя по врагу. Пули, как заговоренные, избегали его.

Леа сжимала сосуд Дьюара и вслушивалась в далекую канонаду. Хлопки взрывающихся гранат были еле слышны, но она вздрагивала так, будто они разрывались над ее головой. К ней подошла женщина племени, села перед ней на колени и по матерински прижала к груди. Тут Леа не выдержала, и слезы хлынули. Она, словно блаженная, повторяла: «Живите, ребята».

Алим ходил из угла в угол, бормоча что-то под нос. Ощувив на себе пристальный взгляд Сандра, он спросил его:
– Составишь компанию? Мне одному страшно.

Сандр встал и пошел к грузовику Алим, впитавший его уверенность, пошел за ним.

– Куда вы? – спросил их оператор.

– Нет сил здесь сидеть. Но вы не смейте за нами идти, это не ваша война, – отрезал Алим и сел в заведенный грузовик.

– Но и не ваша, – прошептал вслед оператор.

– Куда это они? – спросил его звукач.

– Похоже, умирать, как и все мужики в этом племени. Ты заметил, что здесь нет ни одного мужчины? Только старики, женщины и дети.

– Как ты это заметил? Я сейчас о таких вещах даже не думаю. Хотя да, странно. Может, все ушли на охоту?

Алим и Сандр выжимали из грузовика все, что можно, они очень боялись опоздать. Бросив грузовик, они побежали к базе. Противника с этой стороны не было, и они быстро добежали до старых ангаров. Бой был в разгаре, и их никто не заметил.

– Мне нужно к носорогу, проверить его состояние.

– Хорошо, веди, а я прикрою, – согласился Сандр.

На подходе к загону с носорогом они увидели, что группа солдат генерала все же додумалась обойти штаб. Они уже были совсем близко к носорогу. Увидев их, Сандр схватил Алима за шиворот и затащил в укрытие. Отдышался, собрался с духом, дернулся, затем остановился, выдохнул, перевел свой автомат на огонь одиночными, вышел из-за укрытия и как биатлонист на рубеже перестрелял врагов в таком темпе,

что последний, кого он убил, не успел даже обернуться и отреагировать на убийство первого.

– Быстро пошли, – скомандовал он Алиму.

После короткого рывка они добежали до стены, за которой был носорог, и перемахнули ее, как показалось Алиму, не касаясь ее. Алим бросился к носорогу, обнял его и начал рыдать и, заикаясь, выть. Носорог лежал неподвижно и не дышал. Алим судорожно стал его ощупывать и осматривать, но никакой раны не было, ни единой царапины.

– Как это произошло? Пуля? Осколок? – Сандр не мог понять, как в него попали в этом укреплении.

– Он цел и невредим, – ответил Алим.

– Тогда как?

– Просто старость, он прилег отдохнуть и уже не поднялся. Сорок пять лет – это уже очень много для носорога.

– Тогда я считаю, что парни справились с задачей, и нужно спасать уже вымирающий вид защитников заповедника.

– Поспешите, а я с ним еще немного побуду.

Сандр забежал в штаб, поднимаясь по лестнице, он громко кричал, что это он идет, чтобы его не пристрелили свои. Со второго этажа он услышал крик Пакко. Вбежав в помещение, он увидел, как Пакко одной рукой прижимал рану на животе Отто, прижимая его к стене и не давая упасть, второй рукой стрелял в окно. Отто был уже без сознания.

– Где остальные? – кричал Сандр.

– Анри погиб, Нил на крыше, с ним ребята, Дубака держит

высоту на западе.

– Бери Отто и беги к носорогу, там вас будет ждать Алим, он поможет Отто, а я за Нилом.

– Там плохой прострел, нам оттуда их не удержать.

– Незачем нам уже их держать, носорог мертв!

Пакко стал громко ругаться на испанском, биться головой о стену. Истерика завладела им. Сандр подбежал к нему, схватил обеими руками за голову и начал на него кричать:

– Соберись, старик! Отто умрет, если ты не отнесешь его к Алиму, посмотри на него, – ударил его внешней стороной ладони и направил его взгляд на Отто.

Сандр взял Отто, вручил его в объятия Пакко и начал толкать его к выходу, пока Пакко не продолжил движение сам как заведенный. Сандр подбежал наверх к Нилу. Нил стоял в море из гильз, его М 249 валялся в стороне, ствол был искривлен, а доска, к которой прикасался ствол, дымилась и тлела. Нил вел огонь из АК Андрея. Андрей и Николай все так же боролись за жизнь Акки.

– Нил, нам нужно отступать к носорогу, – крикнул Сандр. – Пакко и Отто уже ушли туда.

– Там нам их не удержать, – ответил ему Николай.

– Нет больше смысла их держать, носорог мертв.

– Что? Как это произошло? – посыпались вопросы.

– Алим сказал, старость его забрала. На нем нет ни царапины.

– Мы справились с задачей. Сейчас можно отступать, –

Нил взял ракетницу и выстрелил ей вверх. – Андрей, Ник, тащите Акки к Алиму. Сандр, веди, я замыкаю. Живее, живее!

Почти все уже собрались в укрытии носорога. Нил отстрелял последний магазин в подходящих врагов. Он перебежал от угла штаба к укрытию носорога, когда пуля настигла его в спину. Он не упал, а по инерции добежал в руки Сандра, который его подхватил и затащил в укрытие.

– Так, орден белого носорога, слушай мой последний приказ. Я считаю, что задачу мы выполнили, теперь нам необходимо спасти свои жизни. Мы удержали естественный порядок вещей, наш носорог умер от старости, а не стал жертвой сытых хищников.

Конфедераты подобрались на расстояние броска гранаты и принялись забрасывать ими позицию Дубаки. Дубака лежал контуженый и посеченный осколками. Сил на сопротивление не было. Южане рванули к ним, поняв, что огонь подавлен. Одному из людей Дубаки оторвало руку, когда он хотел бросить гранату обратно. Остальные погибли от осколочных ранений на месте, так и замерли в обнимку со своими винтовками. Техасец подошел к Дубаке пнул его ногой, чтобы он перевернулся на спину. Достал нож для скальпирования. Улыбка украсила его лицо. Он хотел начать свою торжественную речь, как вдруг половина его черепа покинула его голову, и южане посыпались, как кегли, от снайперских выстрелов. Это были не всадники Рохана, это были мужчины

местного племени, которые пришли с запада по зову ракеты, выпущенной Нилом. Дубака засмеялся, увидев их в набедренных повязках в разгрузках и с винтовками СВД. Последние силы покинули его, и он умер.

Нил услышал крик старейшины племени с холма. За ним последовала плотная поддержка огнем, которая снова прижала пехоту генерала к укрытиям.

– Вот он, ваш шанс на спасение! – сказал Нил. – Вы должны быстро отступить на запад к высоте.

– Что, как они научились стрелять? – удивленно смотрел в сторону высоты Николай.

– Ну, рисовать куда сложнее, чем с автоматом по саванне бегать! А рисовать эти люди умеют хорошо, – Нил улыбнулся и посмотрел на Андрея.

– Так, Андрей, Ник, берите Акки, я понесу Отто, Алим, помоги командору, а Сандр прикрывает, – распределил Пакко.

– Пакко, дружище, я остаюсь с ним. Я слишком стар и не добежу до высоты, – ошарашил Пакко Нил.

– Старый, хорош бредить! – начал было ругаться Пакко, но, посмотрев в ясное и довольное лицо Нила, замолк, взвалил на спину Отто. – Ну тогда прощай, старый друг.

Нил выглянул из-за укрытия, дал очередь. Пакко перебежал из укрытия к ангарам. Нил посмотрел на стоящих в недоумении бледных парней.

– Спасите Акки, что вы стоите как вкопанные! Бегите,

глупцы!

Сандр взял под руки Алима, поднял его. Приняли у Николая и Андрея Акки и понесли его к выходу.

– Прощай, Нил! – Алим упал на грудь Нила и уже не мог от нее оторваться.

Нил обнял его по-отечески и сказал на ухо:

– Когда будешь получать нобелевку, не забудь меня упомянуть.

– Обязательно, – просопел Алим и отпустил его.

Сандр пожал руку Нилу.

– Я тут подумал. Я остаюсь, не буду увольняться.

– Хорошо, ты достойный продолжатель нашего дела.

Нил взял Акки за руку, крепко сжал ее. Почувствовал ответное давление, обрадовался, сказал ему: «Живи изо всех сил» и снова дал длинную очередь, пока магазин не закончился. Сандр и Алим перетасили Акки за это время к ангару.

– Ну идите сюда, и вас обниму, – обратился Нил к Андрею и Николаю. – Будьте хорошими мальчиками. Продолжайте наше дело, я верю в вас. Помните обо мне и, когда настанет такой момент, как сейчас, вы повторите мой поступок для своих людей.

– Нил, мы же не такие тупые, мы просто не допустим такой момент, как сейчас, – вытирая слезы, сказал Андрей и улыбнулся. – Мы здесь все к чертям заминировем.

– Да что это за дерьмо! – закричал в гнев Николай. –

Я как будто на странице дешевого боевика, написанного неумелым автором.

– Поспешите, парни, аборигены не долго смогут подавлять врага.

Нил поменял магазин и выпустил его весь в сторону врага. От этого деревянное цевье АК загорелось, и автомат пришлось бросить. Но его люди уже были на пути к высоте, и им уже ничего не угрожало. Нил подошел к кормушке носорога, достал спрятанную за ней вчера сумку. Сил от кровопотери было все меньше, поэтому он сел на землю и оперся спиной на брюхо старого друга. Достал из сумки недопитую бутылку и сделал глоток. В горле приятно запекло, и истории о былых временах сами полезли наружу.

Ван Пелт быстро сообразил, что победа близка, и огонь из базы уже не велся, били только с высоты. Вдруг один из офицеров указал на группу зоозащитников, несущую раненых к высоте.

– Вот и все?! – Ван Пелт, смеясь, кричал им вслед.

Генералу по рации доложили, что они добрались до носорога и что сопротивления нет.

– Здесь только раненый старик, он не вооружен. Убить его? – спросили из рации.

– Нет! – закричал Ван Пелт. – Это капитан корабля, я хочу с ним поговорить.

Генерал Ван Пелт и офицеры ехали к базе. Их джип то и дело подскакивал, наезжая на трупы солдат. Все на подсту-

пах к базе было усеяно сотнями трупов.

– Сколько же у меня осталось людей? – озадачился генерал. – Прикажите всем, кто остался на ногах, собраться у носорога.

Приехав на место, Ван Пелт осознал, что носорог мертв и ему не удастся насладиться убийством его. А генерал понял, что у него осталось два десятка солдат и пара офицеров. Да еще и свидетели его преступлений скрылись, и их некому догонять.

– Здравствуй, Нил. Приятно познакомиться лично, – встал над Нилом Ван Пелт и протянул руку.

– Так вот ты какой. Ты живую еще более заносчив и смазлив, чем я себе представлял. – Нил не протянул руку в ответ, а лишь сделал еще один глоток из бутылки.

– Я огорчен, что не удалось лично убить его. Но труп в прекрасном состоянии, так что это тоже успех.

Нил немного приподнялся, так, чтобы сидеть прямо, положил бутылку обратно в сумку, грозно посмотрел на всех собравшихся вокруг. Всем было интересно посмотреть на славного воина.

– Послушайте! – громко сказал Нил

Речь его уже заплеталась, то ли от виски, то ли от истощения, или от всего сразу. Но он собрался с силами и произнес:

– Был смехом залит галеон,

Щебека впереди.

Кричали вздор, и откатите пушки.

Нам хватит пули аркебузной!

Не ведали на галеоне том,

Что брандер впереди.

Нил достал из сумки кольцо детонатора и бросил под ноги Ван Пелту. Никто даже дернуться не успел. Нил выдернул чеку раньше на две секунды, прежде чем показал ее.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора: Корень Екатерина Александровна @pirssk